

Сергей
Зинин

A sepia-toned portrait of a young man with dark, wavy hair, wearing a suit and tie. The portrait is the central focus of the cover.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЕСЕНИН

В плену у Бениславской

Сергей Иванович Зинин
Неизвестный Есенин. В плену у Бениславской
Серия «Гении и злодеи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373156
Неизвестный Есенин. В плену у Бениславской: Алгоритм; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44235-5

Аннотация

В публикациях о Сергее Есенине Галине Бениславской обычно отводится роль любимой женщины, верного друга и литературного секретаря поэта. Между тем статус Г. А. Бениславской как его гражданской жены подтверждается многими данными, и она имеет явное преимущество по продолжительности совместной семейной жизни в сравнении с зарегистрированными и гражданскими женами С. А. Есенина. Сергей Александрович неоднократно предлагал Бениславской и официально оформить с ней брачные отношения.

Летом 1925 года перед женитьбой поэта на С. А. Толстой между ними произошел разрыв. Галина тяжело переживала это, лечилась от нервного расстройства, на время уезжала из Москвы. А в декабре 1926 года покончила с собой на могиле Есенина на Ваганьковском кладбище, оставив записку: «3 декабря 1926 года. Самоубилась здесь, хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина... Но и ему, и мне это все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое...».

Содержание

Женщина в клетчатом кепи	4
Детство	6
Гимназистка	8
Вступление в самостоятельную жизнь	11
Среди белых	13
Среди красных	16
Рядом с чекистами	18
Под гипнозом стихов Есенина	21
Литературный суд над поэзией	24
Знакомство с Сергеем Есениным	27
Соперницы Бениславской	30
Холостой Есенин	32
Аня Назарова	35
Среди имажинистов	37
Счастливое лето	41
Поэма «Пугачев»	43
Айседора Дункан	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Иванович Зинин

Неизвестный Есенин. В плену у Бениславской

Женщина в клетчатом кепи *Вместо пролога*

В последний день своей жизни Галина Артуровна Бениславская была спокойной и сосредоточенной. Уходя из дома, она еще раз мысленно проверила, не забыла ли чего. Успокоилась. Кажется, все, что могла, сделала. К вечеру добралась до Ваганьковского кладбища. Уверенно по снежной тропинке дошла до нужной могилы. Пристально оглядела место погребения поэта. Это была простая, почти деревенская, летом заросшая травой, а зимой засыпанная снегом могила. Неухоженной была недалеко видневшаяся могила поэта Александра Ширяевца, друга Есенина. Вздохнув, Галина подумала, что уже скоро год будет, как умер Сергей, а на могиле нежнейшего русского лирика нет даже надгробной плиты с именем «Есенин». Ей говорили, что некоторые любители есенинской поэзии не раз поднимали вопрос о начале сбора средств на памятник любимому поэту и установку его на месте захоронения. Один сибирский журналист, чтобы перейти от слов к делу, для начала предложил поставить хотя бы маленький, простенький черный камень с Алтайских гор. Но дальше разговоров дело не двигалось. Ни у родственников поэта, ни у нее самой денег для приличного надгробия на могиле поэта не было. Вздохнув, подумала, что сейчас не это для нее главное. В мыслях она была в плену скорой встречи с дорогим и любимым человеком.

Галина присела на лежащий сухой сук. Закурила. Стало темнеть. Тихо, мрачновато, но страха не было. Еще острее почувствовала свое одиночество среди этих могил, крестов и стоявших вдалеке памятников знатным горожанам.

Вытащила револьвер. Проверила патроны. Как все, оказывается, просто в жизни: нажми на курок – и ты уже никогда не увидишь все то, что тебя сейчас окружает.

Медленно поднесла револьвер к виску. Вздохнула... и нажала на спусковой крючок. Щелчок... Окружавший мир все так же стоял на месте. Осечка... Досадно.

Галина не удивилась, что выстрела не было. Значит, так надо, вероятно, она что-то еще не успела сделать. Отчетливо представила, как будут обсуждать ее самоубийство. Вытащила из сумочки папиросную бумагу. Рука немного замерзла. Подложила под бумажку папиросную коробку. Стала выводить на бумаге каракули, пытаясь что-то написать в свое оправдание. Прочитала.

«З. XII.1926.

«Самоубилась» здесь; хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему, и мне это будет все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновских на поводу.

Если финка будет воткнута после выстрела в могилу – значит, даже тогда я не жалела.

Если жаль – заброшу ее далеко. Первая осечка».

Молча, сосредоточенно воткнула нож в выступавший могильный холмик.

Опять поднесла ствол револьвера к виску. Опять осечка. Но теперь не хотелось писать что-то в оправдание.

Еще раз повторила все сначала. Выстрела опять не было. Вся надежда на принесенный нож.

Возможно, что дальше могло бы все произойти так, как описал, пользуясь слухами, в мемуарах поэт В. Шершеневич: «На зимнем кладбище, на могиле Сережи, скоро нашли мертвую Галю. Она выстрелила в себя несколько раз, но револьвер дал осечки, тогда она покончила с собой острым кинжалом. Рядом лежал револьвер, и в нем несколько патронов были с набитыми капсулками».

Выстрел услышал кладбищенский сторож. Он со страхом, прячась за памятники и ограды, первым подошел к лежащей женщине, которая в клетчатом кепи и темном поношенном пальто лежала на снегу и чуть слышно стонала. Сторож побежал к церкви, вызвал милицию и «Скорую помощь». Женщина уже не дышала. Труп повезли на Пироговку, в анатомический театр. Так трагически оборвалась жизнь 29-летней Галины Артуровны Бениславской.

Детство

О своих родителях Галина не любила говорить. Возможно, ей и нечего было рассказывать, так как она их почти не помнила. Сведения об отце и матери сама узнавала от других.

Галина Артуровна Карьер родилась 16 декабря 1897 года в Санкт-Петербурге. Ее отец, обрусевший француз А. Карьер, женился на Вассе Смирновой, дочери осетинки. В России А. Карьер числился студентом. Очень скоро пристрастился к вину, стал много пить, не проявляя должной заботы о жене и дочери. Через пять лет после рождения Гали ее родители разошлись. Пятилетнюю девочку взяла на воспитание тетка отца. Прожила Галя у нее полтора года. Затем мать забрала свою дочь и уехала с ней к родственникам на Кавказ.

В Тифлисе мать заболела тяжелым психическим расстройством. Галину взяла на воспитание сестра матери, Нина Поликарповна Зубова, врач по профессии. Она была замужем за Артуром Каземировичем Бениславским, работавшим директором больницы в городе Режице (современный Резекне в Латвии). Это был хорошо обеспеченный по тем временам человек. Недалеко от города он имел солидное имение Рыкополь.

Галину отдали учиться в пансионат города Вильно. Здесь она познакомилась и подружилась с Яниной Козловской. Их дружба продолжалась до последнего дня жизни Бениславской.

Дальнейшее обучение Галина продолжила в Варшавской 2-й женской гимназии. Окончила полный курс обучения в гимназии с золотой медалью. 23 августа 1909 г. ученице Карьер Гале по определению Педагогического совета был выдан Похвальный лист, в котором отмечалось ее благонравие, прилежание и отличные успехи в науках.

В имение своего отчима она приезжала на летние каникулы. У Артура Каземировича был большой дом с барской конюшней, рядом находились сад и прекрасный парк. Недалеко виднелось живописное Рыкопольское озеро, просматривались поросшие лесом холмы и многочисленные овраги. От этих природных красот Галина приходила в восторг, а близкое знакомство с окружающей местностью развивало в ней любовь к природе.

Барское здание в имении было большим, но не выделялось шикарностью и архитектурной помпезностью. Дом хорошо вписывался в естественную окружающую природу. В имении была приличная библиотека, основу которой составляли книги русских, французских и польских классиков. Кроме чтения книг Галина любила заниматься лошадьми. Она могла подолгу возиться с ними в конюшне или сломя голову скакать по окрестным лугам и холмам.

Раза два на летний отдых с Галей приезжала ее подруга по гимназии Наталья Чхеидзе. «Имение было весьма запущено, но это в моих глазах лишь увеличивало поэтическую прелесть его быта, – вспоминала Н. Чхеидзе. – Имение раскинулось в полосе богатого смешанного леса, перемежающегося широкими просторами возделанных полей. В лесной чаще болота, и местность была испещрена серо-голубыми озерами. Старый дом Бениславских, ничем не примечательный, с разбитым полом и скрипучими дверьми, стоял в тенистом саду, на берегу небольшого озера, заросшего белыми кувшинками.

Здесь во всей полноте раскрылась для меня еще одна сторона Галиной натуры. Это – ее близость к природе, ее подвижный, спортивный дух. Галя отлично ездила верхом, плавала и ныряла, стреляла из ружья, правила запряженной парой. За своим верховым конем, горячим, золотисто-рыжим Медором, Галя ухаживала сама, купала и холила его. По воскресным дням всей семьей ездили охотиться за десятки километров от дома. Великолепна бывала Галя, когда садилась на козлы и, натянув поводья, щегольски отставив локти, гнала запряженную пару по широкой пыльной дороге...».

Местный житель Францис Каспарович Педан вспоминал: «Мы были с нею (Галей) ровесниками, но она казалась взрослее. Я, как соседский сын, часто бывал в имении, и Артур Казимирович несколько раз доверял мне сопровождать Галину во время конных прогулок или на охоту. Хорошо помню эту смуглую, озорную и, я бы сказал, отчаянную девушку с пышной черной косой. То была лихая наездница и охотник, меткий стрелок. Бывало, она сумеет подстрелить по нескольку глухарей, а у меня – ни одного. Порой она казалась мне немного странной из-за частой смены настроения».

Галя многим нравилась в имении. Нельзя было не обратить внимания на эту девушку с большими зелеными глазами и почти сросшимися бровями вразлет. Наталья Чхеидзе вспоминала, как управляющий барским имением Антак Урбаневич, человек сравнительно еще молодой и вполне прозаический, не мог не чувствовать обаяния Галиного характера. Нередко, любуясь смелостью и красотой ее движений, он ласково восклицал: «Казачок, казачок!». И в этих словах сквозило не простое любовное влечение жизнерадостной девочкой, а чувство более глубокое, затаенное.

В 1909 г. А. К. Бениславский удочерил Галину Карьер. Теперь она стала носить фамилию и отчество приемного отца, который ее очень любил, постоянно окружая вниманием и заботой. Отчим любил жить на широкую ногу. В его доме нередко устраивались роскошные балы и не менее шумные игры и забавы. Галина не проявляла к такой жизни повышенного интереса. Она сторонилась громкого веселья, любила уединение. Для знакомства с историческими достопримечательностями ездила в Ригу, Лудзу и другие латвийские города.

«Галя жила всецело миром, открывавшимся ей в учении и поэтической природе, – вспоминала Н. Чхеидзе. – Я даже помню, мы, подруги, сообща придумали ей некоего Рувима, юношу с печальными глазами, вздыхающего по «милрой Галендухе» (этот вариант имени Галина мы вычитали в тогдашнем календаре). На добродушные подтрунивания подруг Галя отвечала не менее добродушной улыбкой. Видимо, чувство юной Гали еще молчало в те годы, подспудно зрея до срока, когда жизнь связала ее судьбу с судьбой большого поэта России, Сергея Есенина».

Гимназистка

В 1912 году Галина Бениславская со своей тетей Н. П. Зубовой переехала в Петроград, где поступила, сдав экзамены, в IV класс Преображенской восьмиклассной женской гимназии. «Помню, как к нам в четвертый класс, – вспоминала Наталья Чхеидзе, – поступила новая ученица, сразу обратившая на себя внимание девочек. Необычайной показалась сама внешность новенькой. Ее большие серо-зеленые глаза были оттенены черными, сросшимися над переносицей бровями; густые косы каштановых с медным отливом волос ложились на плечи, как бы обрамляя естественной рамой лицо. Разговаривая, Галя слегка склоняла голову набок и внимательно смотрела на собеседника, словно вслушиваясь в него своим мягким, проникновенным взглядом».

Преображенская женская гимназия была основана в 1906 году группой петербургских учителей, энтузиастов и подвижников своего дела. Они в 1904 г. выкупили на улице Потемкинской принадлежавший А. Г. Дубасовой дом № 5, который затем перестроил архитектор Гавеман. Вскоре в здании разместилась Преображенская новая школа товарищества учителей (8-классная женская гимназия).

Многие преподаватели Преображенской гимназии окончили курсы П. Ф. Лесгафта, получившие известность как один из центров революционного студенчества Петрограда. Система обучения в гимназии отрицала педагогическую рутину и официальную казенщину, характерные для многих учебных заведений того времени. Отношение к учащимся в гимназии строилось на демократических принципах. Гимназисткам разъясняли их права, учитывали их индивидуальность и постоянно поддерживали тягу к знаниям.

«В учащихся старались пробудить, – вспоминала Н. Чхеидзе, – прежде всего живое, творческое отношение к знаниям, развить активное мышление, подлинный интерес к изучаемому предмету. Русская литература преподавалась в широкой связи с общественно-историческими процессами в свете работ Белинского, Добролюбова, Писарева и новейших периодов авторов, а уроки рисования чередовались с кратким курсом истории изобразительных искусств.

Для ознакомления с производственно-трудовыми процессами учениц водили на крупнейшие заводы, в ремесленные мастерские. Основы геологии и палеонтологии изучались во время экскурсий по окрестностям Петрограда, а ученицы старших классов совершали исторические экскурсии в Новгород, Нарву, Ригу, другие древние города. Даже такой урок, как пение, был связан с изучением песенной культуры, не только русской, но и украинской, немецкой, французской, а также хоровых и дуэтных номеров из опер».

Среди девочек Галина выделялась не только внешностью, но и своим ровным, спокойным характером. Ей чуждо было тщеславие, обидчивость. «Про нее в полном смысле можно было сказать, – вспоминала Н. Чхеидзе, – что это натура светлая и щедрая, благодаря чему Галя очень скоро была любимицей подруг и учителей».

Успехи в учебе у Галины Бениславской были блестящими. Увлекалась литературой и историей, но наибольший интерес проявляла к естественным учебным дисциплинам. Насыщенной была и ее жизнь во внеучебное время. Она любила участвовать в вечерах ученической самодеятельности, часто ходила на концерты видных певцов и актеров. Я. Козловская вспоминала: «Помню, в 1916 г. зимой мы с Галей пошли в Петроградскую городскую думу на Невском. В ту пору там часто устраивались литературные вечера, на которых выступали поэты и писатели. Сбор шел в пользу семей погибших на фронте воинов. На этот раз выступали И. Северянин, больной, Р. Ивнев и др. Объявили о выступлении Клюева. С Клюевым вышел голубоглазый златокудрых паренек, одетый в стиле «рюс», в бархатных брюках, в вышитой шелковой рубашке, в лакированных сапожках. Нам не понравился его «рязанский»

вид, но когда он начал читать свои стихи о природе, о Родине, такие свежие, нежные (это особенно чувствовалось после вычурности Северянина и Бальмонта), мы слушали, как зачарованные. Когда он кончил, я спросила у соседки по креслу, как его фамилия. Она сказала: «Сергей Есенин».

Галина Бениславская считалась среди гимназисток заядлой театралкой, так как старалась не пропустить в театрах столицы ни одного полюбившегося спектакля. В воскресные дни она с подругами знакомилась с полотнами выдающихся русских и зарубежных художников в залах Эрмитажа и Русского музея. Эту любовь к поэзии и искусству она сохранила до конца своей жизни.

О ее любви к природе, тонкой наблюдательности и самостоятельном взгляде на окружающую жизнь свидетельствует сохранившаяся небольшая поэтическая зарисовка «Милая незабудка, упавшая к нам весною...», написанная Г. Бениславской 24 января 1917 г.:

«Наступила весна!

Предчувствие света и тепла наполняло грудь и заставляло дышать радостнее и глубже.

Что-то нежное, неуловимое, как счастье, было в воздухе, ласкало и волновало душу.

Радостное, безудержное чириканье птиц, шелест молодых почек – все это было так прекрасно, что казалось – в жизни есть только свет, тепло и счастье, все грозы и бури казались сном – и сердце само начинало чирикать, как воробей.

Лес начинал просыпаться, готовился к новой жизни.

Внизу, у подножья этих молодых белых берез распустилась чудная, нежная фиалка. Она была так хороша, так нежна, так прекрасно-задумчива, что все другие цветы, росшие около нее, все склонили свои венчики к ней. Эта фиалка была глазом самой Весны. Все задумчивое обаяние Весны, нежная радость раннего тепла и солнечная ласка, такая светлая и волшебная, та ласка, какая бывает пока еще не совсем стаял снег и не распустились деревья, – все это выражал этот волшебно-звездный глазок Весны.

А милая, нежная фиалка сама не знала, что в ней таилось. Она нежно и скромно цвела, чаруя всех своим ароматом и своим задумчивым обаянием.

Кругом ее снег уже стаял, начинала пробиваться зеленая травка. Недалеко показались из-под прошлогодней листвы два подснежника. Один из них, еще не распрямив стебелька, уже увидел нежную, легкую фиалку и потянулся к ней еще нераскрывшейся чашечкой. Фиалка ласково глядела на него – и он начал тянуться к ней на своем молодом стебельке. Другой выкарабкался из земли немного позже, и фиалка не обратила на него внимания, но он радостно и бодро оглядывался вокруг и, увидев фиалку, тоже потянулся к ней. В это время пошел снег, было скучно, и холодно, и страшно и не было никого вокруг ласкового и нежного. Теперь уже оба подснежника тянулись к чудной фиалке.

Подснежники не были одного корня, но так тесно росли, что их стебельки переплелись и оба тянулись в одну сторону. Снег по временам падал, потом переставал, но подснежники не боялись его. Они были вместе, и около них неподалеку была нежная фиалка. И подснежники росли все к ней. Младший вытянулся больше, но его стебелек сделался тонким, тонким, тонким, и сам он делался все слабее и печальнее.

А фиалка теперь уже не смотрела на них – ведь вокруг к ней тянулось столько цветов! И подснежники были незамеченными, но все же не могли расти в другую сторону. Они ничего не видели вокруг, они отворачивались от солнца, чтобы видеть фиалку.

И не выдержал младший подснежник – он тихо склонился на землю и умер у ног любимой фиалки. Другой был крепче и бодрее. Он помнил ту минуту, когда фиалка посмотрела на него ласково, и все рос и рос. Он растет и теперь, и все к фиалке, и он дорастет до нее – только когда – не знаю, может, уже дорос даже».

Обучение в гимназии способствовало не только духовному развитию Галины, но и серьезно готовило ее к самостоятельной жизни. В Петрограде она жила в доме приемных родителей. Ее тетя, Н. П. Зубова, отличалась властным характером, проявляла требовательность во всем, поэтому отношения в доме не всегда были ровными. Тетя-мама была постоянно загружена на работе, времени на воспитание Гали не оставалось. Но Нина Поликарповна всячески поддерживала развитие у девочки благородных чувств, старалась их оберегать, к этому призывала и ее близких друзей. В одной из записок подруге Гали она писала: «Помни, что Галя очень ласковая и впечатлительная, щади в ней эти два золотых качества, которые могут сделать ей в жизни большое зло. Не найдет ласки в людях, не поймут ее впечатлительность или не пощадят ее, поняв. Ты знаешь, она чувствовала еще дома, что я уезжаю».

Девочка жила свободно. Наталья Чхеидзе вспоминала, что Галя росла, «не стесненная родительской «опекой», в чем мы, одноклассницы, сделавшись повзрослее, стали ей откровенно завидовать».

В квартире Бениславских у Галины была своя комната, в которой она поддерживала уют и порядок. Здесь часто собирались подруги, спорили, веселились. Взрослея, в разговорах не обходили и такие деликатные темы, как любовь, отношения с мальчиками. На стене комнаты висела репродукция «Данте и Беатриче» с картины малоизвестного художника. Этот сюжет также привлекал внимание гимназисток, вызывал возбужденное обсуждение.

В своих чувствах Галина внешне старалась быть сдержанной. Отношения с юношами у нее редко вызывали душевные волнения. «Единственное увлечение до тех пор, – вспоминала позже Г. Бениславская, – я испытала в 1916 г. Как мне вообще свойственно, это был порыв. Были даже поцелуи. Но через два месяца всякое чувство само собой прошло. И с тех пор до Сергея Александровича мне и не снилось, что я способна полюбить».

Она могла с юношами больше говорить о поэзии, об искусстве, но не более. В 1917 году, когда жила летом в имении отчима, познакомилась с Михаилом Маковым из Казани. После нескольких встреч юноше показалось, что он сумел чуть-чуть проникнуть в ее душевный мир. В конце июля 1917 г. из Казани прислал послание, в котором как бы предсказывал будущую любовь Галины:

«Если я издеваюсь нередко над любовью твоею к луне, – писал Михаил, – то поверь же, ночная соседка, потому что ты дорога мне. Потому что мне больно и жалко, потому что пугаюсь я сам, когда ты – богатырь и нахалка – покоряешься жалким словам. Когда ты, находясь под гипнозом, видишь все сквозь неясный туман, веришь слезам, и грезам, и розам и не чувствуешь, что это обман. Когда ты в постоянстве экстаза, забываешь характер и ум, и влечет тебя глупая фраза, но одетая в стильный костюм. И боюсь я, что милый твой разум покорит каждый наглый поэт, если только к изысканным фразам он прибавит и модный жакет».

Оценка Михаила понравилась Галине. Она переписала текст письма в свой дневник.

Вступление в самостоятельную жизнь

В 4-м классе гимназии Галя еще больше сдружилась с Яной Козловской, также приехавшей с родителями в Петроград. По темпераменту они были разными, но у них быстро определилась общность вкусов и интересов. Яна была дочерью известного революционера М. Ю. Козловского, одного из основателей социал-демократической партии Польши и Литвы. В семье Козловских революционные взгляды не скрывались. Неудивительно, что протест дочери против самодержавия и социальной несправедливости в стране с годами осознанно сформировался. Яна делилась сокровенными мыслями с подругой, зная, что та ее не предаст.

Яна познакомила Галю со своей семьей. Ее отец, Мечислав Юльевич Козловский, был профессиональным революционером. Во время революции 1905 года состоял членом военно-революционной организации и стачечного комитета в городе Вильно (ныне Вильнюс). После подавления революции эмигрировал. В 1907 г. – делегат V съезда РСДРП в Лондоне. Начиная с 1909-го, проводил революционную агитацию в союзе металлистов Санкт-Петербурга. Во время Февральской революции 1917 г. входил в Исполком Петроградского совета и ЦИК 1-го созыва, а также исполнял обязанности председателя Выборгской районной думы. Участвовал в работе Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. Представлял интересы РСДРП(б) на судебном процессе 5 мая 1917 г. о выселении ЦК и ПК РСДРП(б) из особняка балерины Кшесинской на Кронверкском проспекте.

В начале июля 1917 года М. Ю. Козловского вместе с Лениным, Зиновьевым и другими революционерами Временное Правительство обвинило в измене по делу о «немецком золоте». 6 июля он был арестован у себя на квартире, но 31 августа 1917 г., после подавления Корниловского мятежа, был отпущен под залог и переведен из «Крестов» под домашний арест.

В семье Козловских Галина Бениславская познакомилась с большевистскими идеями. Чуткая и отзывчивая по натуре, она постепенно уверовала во многие принципы большевиков, которые ей разъясняла Яна, многому научившаяся у своего отца. Подруги проходили на практике серьезную школу приобщения к общественно-политической жизни. В мае 1917 года Яна и Галя вступили в социал-демократическую партию большевиков, стали активно участвовать в различных митингах и демонстрациях, разносили листовки и раздавали солдатам обеды.

Завершение учебы Галиной в гимназии совпало с огромными социально-политическими переменами в России. Падение самодержавия во время бескровной Февральской революции 1917 года и приход к власти Временного правительства отразились на ее дальнейшей судьбе.

Галине Бениславской 4 мая 1917 г. вручили Свидетельство № 9582 об окончании женской гимназии. По основным предметам получила отличные оценки, хорошие – по французскому и немецкому языкам. На основании утвержденного в России Правила от 31 августа 1874 года такие оценки давали право на получение золотой медали.

После окончания общего курса учебных дисциплин в Преображенской женской гимназии Галина поступила в 8-й дополнительный класс частной гимназии М. Д. Могилян-ской «для специального изучения русского языка и математики». Проучилась недолго. По всем обязательным и специальным дисциплинам получала отличные оценки. Но не успехи в учебе, а радикальные взгляды Галины в защиту бедных вызывали раздражение А. Бениславского. Ссорами между падчерицей и отчимом нередко заканчивались многие попытки отстоять свою точку зрения. 24 мая 1917 г. Галине выдали Временное свидетельство, в котором

кроме оценок было указано, что она «вероисповедания православного», но в графе после слова «дочь» вместо фамилии приемного отца А. К. Бениславского стоял прочерк.

Чтобы оторвать Галину от бурной политической жизни в столице, приемные родители в июле-августе 1917 г. отправили жить ее в имение Рыкополь. Здесь она 27 августа 1917 г. получила выданное уездным комиссаром Временного правительства города Режица удостоверение, в котором сказано: «Дано сие гражданке Галине Артуровне Бениславской в том, что она постоянно проживает в имении Рыкополь Ковнатской волости».

Перед отъездом в поместье Галина Бениславская подала заявления для поступления на Петроградские высшие женские курсы на физико-математический факультет и на такую же специальность в Петроградский университет. Директор высших женских курсов вскоре прислал уведомление, что ее приняли в число слушательниц и что занятия начнутся 2 октября 1917 г. Положительно решался и вопрос о зачислении в университет после оплаты нужной суммы за обучение в первом семестре. Но все замыслы получения высшего образования остались неосуществленными, хотя Бениславская начала ходить на занятия в университет. Возможно, что основной причиной ухода из вуза явились ее серьезные разногласия с приемным отцом и тетей.

Бениславская избрала иной путь. Чтобы уйти от опеки приемных родителей, проверить на практике свою самостоятельность, она неожиданно переезжает в Харьков, предварительно получив Свидетельство комиссара Временного правительства, подтверждающее, что она является постоянным жителем Петрограда. Запаслась и отпускным билетом слушательницы Петроградского университета для отъезда в Харьков. Свое высшее образование Галина продолжила в Харьковском университете. Училась успешно. 11 октября 1918 года ей выдали удостоверение Харьковского университета для свободного повсеместного проживания. Окончить университет и получить диплом о высшем образовании в Харькове не удалось. Последний зачет она сдала 3 апреля 1919-го.

Среди белых

Обучение в Харьковском университете было прервано из-за обострившейся обстановки в стране. После прихода к власти большевиков, разгона Учредительного собрания и установления однопартийной системы вспыхнула Гражданская война, расколовшая общество и вынудившая нередко брата воевать с братом, друга с бывшим другом, если они расходились во взглядах или по-разному оценивали текущие политические события.

На юге России против большевиков выступило движение белых, возглавляемое генералом Деникиным. Под его знамя встали сотни офицеров, верных присяге свергнутому царю, тысячи солдат и казаков. В это время Красная Армия проходила начальную стадию формирования, не имела опыта ведения военных действий. Под натиском хорошо обученных частей Белой армии красные вынуждены были начать отход на север.

Город Харьков оказался в руках деникинских войск. Галина понимала, что ей, как члену партии большевиков, вряд ли будет пощада, поэтому решила покинуть город. Направилась в сторону боевых действий, надеясь, что при удобном случае сможет перейти линию фронта и попасть на территорию красных.

Задержали ее при проверке документов и подвергли аресту. Вызвало сомнение, что девушка со студенческим билетом Харьковского университета без уважительных объяснений покинула город и устремилась на север, где идут военные действия. Для выяснения Галину отправили под конвоем в ближайший штаб деникинской дивизии. Все бы могло закончиться трагично, если бы не счастливый случай. Неожиданно в штабе она столкнулась с приемным отцом А. Бениславским, который служил военным врачом в Белой армии. Он остался верен своим верноподданническим взглядам. Встреча с Галиной его удивила, но одновременно и обрадовала. Они не виделись несколько лет. Победило отцовское чувство. А. Бениславский пошел в штаб и заявил, что это его дочь, которую тут же освободили.

Своих намерений о возможности перебраться в Москву Галина не стала скрывать от Артура Казимировича. Это его не обрадовало, но и противиться ее желанию он не стал. Для безопасного нахождения в районе боевых действий отчим выдал Галине удостоверение сестры милосердия Кабардинского полка, который где-то под Белгородом принимал участие в наступлении Добровольческой армии. В удостоверении, правда, для конспирации заменили имя Галина на Екатерину. Также выдали необходимое в таких случаях обмундирование для сестры милосердия. Попрощались дружески, понимая, что теперь их пути-дороги окончательно разошлись. О встречах в будущем не говорили.

28 августа 1919 года Галина выехала из Харькова как сестра милосердия в сторону Белгорода. В дороге узнала, что красные войска Белгород покинули. В тревожном состоянии она в 12 часов ночи стояла на белгородском перроне, не зная, что делать дальше. Возвращаться в Харьков не хотела. Решила твердо придерживаться своей легенды: она – медицинская сестра и ей нужно срочно прибыть в 80-й Кабардинский полк, который, как ей рассказывали, расквартирован между Ржевом и Обоянью.

Неожиданно подошла к Галине незнакомая барышня.

– Вы, сестрица, до Ржевы, кажется, говорили, едете, – обратилась незнакомка, – я тоже – поедем вместе, я с моим братом еду в Обоянь.

Стали интересоваться у дежурного по станции, когда будет поезд на Ржев. Не заметили, как рядом оказался офицер в красивой бархатной куртке. Своими манерами напомнил хорошо воспитанного человека, поэтому на девушек произвел впечатление.

– Сестрица, я могу вам предложить мой поезд, он отходит через пять минут! – предложил офицер.

Немного поколебавшись, Галина приняла предложение. С ней решили ехать Зина и ее брат, обоянские попутчики. Офицер повел их к своему поезду, но перед посадкой в вагон немного застенчиво стал разъяснять девушкам, что офицеры вернулись из города, там напились, нагулялись, поэтому ему необходимо их успокоить и уложить спать. Пришлось разместиться на входной площадке в вагон. Здесь же и познакомились поближе. Молодой офицер, начальник поезда, представился как Вова Залесский. Его поезд был прикреплен к бронепоезду «Офицер». Попутчица до Обояни представилась Зиной, а Бениславская назвалась Катей, как это было записано в ее медицинском документе.

Владимир Залесский родился в Петрограде. Обрадовался, что Бениславская также из Северной столицы. Есть о чем поговорить!

Галя вспомнила, что недавно читала про подвиг поезда-вспомогателя.

– Это ли вспомогатель, выведший из ураганного огня «Офицера»? Там служил поручик Щекин? – спросила она Залесского.

– Да, но поручика Щекина здесь нет теперь! А откуда вы знаете? – переспросил недоверчиво офицер.

– Как же, я слежу по газетам, да тем более такой геройский подвиг! – ответила Бениславская.

Такая осведомленность девушки только усилила к ней симпатию Залесского. Он пожелал дамам «спокойной ночи», поцеловал им руки и отправился спать. Завтра опять предстояло ехать в Белгород.

В 6 часов утра Галина со спутниками высадилась во Ржеве. Спать устроились в квартире одного железнодорожника.

После обеда в Ржеве с сестрой милосердия познакомились многие офицеры. Чувствовали себя раскованно, свободно при ней говорили на разные темы, не обходя в том числе и служебные. Один из офицеров пригласил Галю осмотреть тракторную батарею из 26-дюймовых орудий. Офицер-корниловец из белой контрразведки рассказывал, что Ржеву грозит опасность быть окруженным и отрезанным, так как красные готовят наступление.

Контрразведчик не ошибся. 29 августа начался обстрел города красным бронепоездом «Черноморец». Позже Галина запишет в своем дневнике: «Страшная паника, офицеры выскакивают, на ходу надевая шинель (было уже 6 часов). Снаряды бьют прямо по станции. Суматоха бешеная, вытаскивают раненых в обоз, мужики (подводчики) не слушаются, стараются удрасть. Делаю вид, что растерялась – не знаю, куда спастись. Бегаю по станции, пока, наконец, не отступает последний бронепоезд «Иван Калита» – при мне снаряд угодил ему в паровоз – он удирает полным ходом. Обстрел усиливается. Слышно, как сыпятся оконные стекла. Выхожу со станции к обозу, к радости последние телеги уезжают (я, на всякий случай, без вещей, чтобы иметь возможность застрять, побежав за вещами). Вдруг снаряды бьют по обозу (по его хвосту), один падает сажень в двух от меня».

Рисковать не хотелось. Осколком разорвало юбку. Галя бросилась в погреб к жителям, чтобы отсидеться. Стрельба вскоре закончилась. Стали высказывать предположение, что броненосец красных «Черноморец» уже стоит на станции. Не тут-то было. В открытую дверь погреба неизвестный мужчина сказал Галине: «Сестрица, за вами солдаты пришли!». Неужели красные что-то заподозрили? Но оказалось, что бронепоезд «Черноморец» был остановлен батареей при подходе к городу. Солдаты же со своим прапорщиком Егуновым пришли спасать сестру милосердия от «лап красноармейцев». Надежда пробраться к красным рухнула.

Следующий день прошел в поисках выхода. Офицеры не упускали возможности поговорить и полюбезничать с сестрой милосердия. Галине даже предложили посмотреть на перестрелку бронепоездов. Она старалась сделать вид, что ей, как медсестре, не страшны боевые действия, но идти отказалась. Ее пригласили на обед офицеры вчерашнего поезда-

вспомогателя. В купе настойчиво предлагали распить с ними водку, выпрашивали у нее кокаин. Еле выдержала этот натиск. Вскоре захмелевшие офицеры заснули.

На следующий день с этим же поездом Галина вернулась в Белгород. Офицерам при прощании сказала, что будет искать штаб Кабардинского полка. К утру добралась до Прохоровки. В штабе дивизии ей сказали, что Кабардинский полк внезапно отступил и с ним потеряна связь. Возможно, что это к лучшему, подумала она. Твердо решила больше не знакомиться с офицерами. С трудом наняла извозчика, чтобы добраться до отдаленного села, но оказалось, что и там идут бои. Пришлось остановиться у родственников подвозившего мужика. Жители опасались, что на них могут напасть казаки, так как село было в их волости. Галя хотела уйти рано утром, но хозяин не пустил, опасаясь, что разведка может ее заметить, арестовать и расстрелять. И только в 9 часов она получила с благословением «добро»: «Ну теперь иди с богом, казаки справа от села, а ты левой тропкой иди на Тычки, пройдешь на Прилепы».

Среди красных

В своем дневнике Галина Бениславская позже записала: «Вышла я смело. Ведь я решила, значит, возврата нет. Если бы поймали казаки и обнаружили мой студенческий билет – я бы бросилась бежать, пока не застрелили бы, а живую бы не далась. Прошла речку не через мост – там, должно быть, патруль был, – а по оставшемуся столбику от кладок. Иду. Мужик косит гречиху».

Галина бодро шла по сельской дороге. Она была уверена, что линия фронта позади, что теперь ее ждет долгожданная встреча с красными. Действительно, вскоре она столкнулась с конным патрулем, который обратил внимание на девушку в одеянии сестры милосердия. Потребовали для проверки документы. Отношение к ней изменилось, когда обнаружили справку, что Бениславская на самом деле числится сестрой милосердия белой армии. Все ее оправдания и объяснения не принимались.

Так она оказалась в особом отделе 13-й армии красных.

Начались допросы. Проводил их начальник Особого отдела Жуковский. Галина заявила, что с мая 1917 года является членом партии большевиков, в последнее время училась в Харьковском университете и любыми способами хотела после начала военных действий на юге перебраться в Москву, поэтому и использовала поддельное удостоверение медицинской сестры Добровольческой армии белых.

Говорила искренно, удивлялась, что ей не верят. На вопрос, где ее родители, она ответила, что родителей нет, а жила и воспитывалась у родной тети в Петрограде. В это чекисты также не поверили.

Галина вспомнила Яну. Ведь это ее отец сейчас у большевиков занимает большой пост. И она рассказала чекистам, что ее хорошо знает старый партиец Мечислав Юльевич Козловский, который не только лично знает Владимира Ильича Ленина, но и работает под его руководством. Чекисты удивились. Девушка произносила хорошо им известные имена руководителей партии и государства. Не сумасшедшая же она! Такими фактами не шутят!

Жуковский знал, что Мечислав Юльевич Козловский действительно работал в Петрограде после Октябрьской революции председателем Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г., а затем стал заместителем наркома юстиции. А вдруг арестованная медсестра говорит правду!

По настоятельной просьбе Бениславской был сделан запрос в Москву.

И все же сомнения у чекистов не исчезли. Некоторым особистам все казалось яснее ясного. Никакая она не сестра милосердия, а засланная в тыл красных деникинская разведчица, которую надо за шпионаж расстрелять. Неожиданно один молодой чекист запротестовал:

– Ребята, давайте подождем ответа из Москвы, девушка с такими глазами не может быть предательницей. Если я ошибусь, мы всегда успеем ее расстрелять.

Согласились подождать ответа. Сведения Галины о положении белых в районе Харькова и об обстановке в самом городе решили использовать в своей оперативной работе. Несколько дней тому назад из Киева в распоряжение штаба 13-й армии прибыла группа подготовленных разведчиков, которых необходимо было срочно перебросить в тыл деникинской армии в районе города Харькова. Начальник Особого отдела армии Жуковский, по воспоминаниям разведчицы П. Ю. Бокль, «сказал, что приведет к нам одну девушку, которая перешла к нам с деникинской стороны во время боя. Тов. Жуковский просил нас присмотреться к ней, слушать внимательно, что она говорит, и постараться разобраться с ней. Когда появилась эта девушка, мы были поражены ее необычной наружностью. Смуглое красивое лицо, черные кудрявые волосы, густые сросшиеся брови и совершенно неожиданные бирю-

зовые глаза. Нам всем эта девушка очень понравилась, и мы почувствовали, что она говорит правду. Мы подружились. Скоро нас отправили по назначению, а эта девушка осталась».

Из Москвы наконец-то пришел ответ, в котором М. Ю. Козловский подтверждал членство в партии большевиков Галины Бениславской. Он же ручался за ее преданность революционному делу и благонадежность. Эта депеша послужила основанием для освобождения Галины из-под ареста. Больше всех радовался молодой чекист, которого все звали Фимкой, веривший с самого начала в невиновность Галины. При прощании они договорились встретиться после войны в Москве. Это в будущем действительно произошло. Фимка приходил в гости на квартиру Г. Бениславской, был знаком с ее подругами по квартире. Так случилось, что еще при жизни Гали во время летнего купания в Черном море Фима утонул.

Отпуская на волю, чекисты подозрений с Г. Бениславской не сняли. Особый отдел завел в 1919 году на нее «Дело № 1725 «А», которое было закрыто только в 1920-м. Чтобы Бениславская могла беспрепятственно добраться до Москвы, 7 октября 1919 г. ей выдали в Особом отделе документ за № 4198:

Удостоверение

Особый отдел 13 армии настоящим удостоверяет, что предъявительница сего Галина Бениславская, задержанная при переходе фронта от белых, освобождена из-под ареста ввиду отсутствия признаков преступления. Особый отдел разрешает Г. Бениславской дальнейший проезд до Москвы.

До столицы Галина добралась без приключений, хотя на передвижение потребовалось несколько суток. Время было тревожное. Белая армия продолжала наступать, приближаясь к Москве, железнодорожный транспорт работал с учетом требований военного времени.

Рядом с чекистами

В Москве Галина Бениславская нашла приют в доме Козловских. Жила в одной комнате с Яной. Квартира М. Ю. Козловского находилась в Кремле, в Кавалерийском корпусе. Мечислав Юльевич занимал ответственные посты в молодом Советском государстве. С декабря 1917-го по ноябрь 1920 г. работал в Наркомате юстиции, одновременно замещая должность председателя Малого Совнаркома РСФСР. Используя его авторитет в Прибалтике, его в январе – апреле 1919 г. назначили наркомом юстиции и членом ЦИК Литовско-Белорусской советской республики.

По рекомендации М. Ю. Козловского, Бениславскую приняли на работу секретарем сельскохозяйственного отдела Особой межведомственной комиссии при ВЧК, недавно образованной декретом Совнаркома. В отличие от чекистских органов, занимавшихся оперативной работой против врагов советской власти, в задачу этой комиссии вменялось «изучение всех источников спекуляции и связанных с ней должностных преступлений». В комиссию входили представители ВСНХ, Наркомюста, Наркомпрода, Наркомгосконтроля и других хозяйственных наркоматов, а также один представитель ВЧК. Председателем Особой межведомственной комиссии был утвержден Н. В. Крыленко. Г. Бениславской было приятно работать с человеком почти легендарной биографии.

Крыленко Николай Васильевич был всего на 12 лет старше Г. Бениславской. Родился в деревне Бехтеево Смоленской области в семье политического ссыльного. Окончил в 1909 г. историко-филологический, а в 1914 г. юридический факультет Харьковского университета. Участвовал в революции 1905–1907 годов; вел партийную работу в Петербурге и Москве. С 1911 г. сотрудничал в газете «Звезда», затем в «Правде» и в думской фракции большевиков. Летом 1914 г. эмигрировал в Швейцарию, в 1915-м возвратился в Россию, но вскоре его арестовали. После освобождения из-под стражи в апреле 1916 года был направлен в действующую армию. Во время Февральской революции 1917 г. избирался председателем полкового, дивизионного, в апреле 1917 г. армейского комитетов 11-й армии Юго-Западного фронта. Был делегатом 1-го Всероссийского съезда Советов (1917), членом его президиума от большевистской фракции; членом первого ВЦИК.

Во время Октябрьской революции Н. В. Крыленко назначается членом Петроградского революционного комитета, входил в состав первого Совета Народных Комиссаров, был членом Комитета по военным и морским делам. С 9 ноября 1917 г. исполнял обязанности Верховного главнокомандующего и наркома по военным делам. С марта 1918 г. переведен на работу в органы юстиции, активно участвовал в организации советского суда и прокуратуры.

Г. А. Бениславской приходилось выполнять различные поручения своего начальника. В основном работа касалась установления связей с различными советскими учреждениями, которые должны были своевременно представлять в комиссию для проверки необходимые документы. «Функции ОМК заключались в проведении ревизий хозяйственных органов, – пишет А. Зданевич, – выработке мер по борьбе со спекуляцией и усилению ответственности должностных лиц. Каких-либо агентурно-осведомительных задач комиссия не имела. Жизнь писателей и поэтов по вполне понятным причинам ее не интересовала – то была епархия секретного отдела ВЧК».

Полномочия Особой междуведомственной комиссии были значительными. Их ощущали на себе чиновники советских учреждений, пытавшихся порой игнорировать требования законодательства. Скрупулезная проверка некоторых фактов злоупотреблений советскими чиновниками требовала большой подготовительной бюрократической работы, которой и приходилось в отделе заниматься Г. Бениславской. Она ни в каких оперативных действиях не принимала участия. Ее служебные обязанности были сугубо гражданские,

чиновничьи, хотя внешне ее служебное удостоверение многим напоминало службу в ЧК, органа карательного и наводящего на обывателей ужас.

Только один раз Бениславская предложила свою помощь как сотрудница близкой к ВЧК организации. Случилось это летом 1921 года, когда С. Есенин, А. Мариенгоф и Г. Колобов были задержаны на квартире Зои Шатовой, содержавшей подпольную столовую, доступную узкому кругу доверенных лиц.

Зоя Петровна Шатова приехала в Москву из Тамбова. Регулярное посещение ее квартиры различными людьми, да еще с соблюдением конспирации, руководителю чекистской операции ВЧК – ГПУ в Тамбовской губернии Т. Самсонову показалось подозрительным. Чекисты предполагали, что Зойкина квартира является конспиративной точкой встреч представителей крестьянского восстания на Тамбовщине с антисоветски настроенными московскими интеллигентами.

Т.П. Самсонов в 1929 г. в статье «Роман без вранья» + «Зойкина квартира» писал: «Квартиру Шатовой мог навестить не всякий. Она не для всех была открыта и доступна, а только для избранных. «Свои» попадали в Зойкину квартиру конспиративно: по рекомендации, по паролям и по условным звонкам. В «салон» Зои Шатовой писатель Анатолий Мариенгоф ходил вдохновляться; некий Левка Инженер с другим проходимцем Почем Соль привозили из Туркестана кишмиш, муку и урюк и распивали здесь «старое бургундское и черный английский ром». (...) Здесь производились спекулятивные сделки, купля и продажа золота и высокоценных и редких изделий (...) Здесь же, в Зойкиной квартире, темные силы контрреволюции творили более существенные дела. Враждебные советской власти элементы собирались сюда, как в свою штаб-квартиру, в свое информационное бюро, на свою черную биржу (...). Надо было прекратить это гнусное дело. Для ликвидации этой волчьей берлоги в Зойкину квартиру у Никитских ворот и явились представители ВЧК. Была поставлена засада. В нее попали Мариенгоф, Есенин и их собутыльники».

С. Есенин, Г. Колобов и А. Мариенгоф пришли к Шатовой, когда обыск уже заканчивался. Поняв, в чем дело, они пробовали отделаться шуточками и прибаутками, но чекисты им вежливо и твердо заявили, что с ними шутить никто не собирается. Есенин и Мариенгоф, надвинув шляпы на глаза, успокоились. Только Колобов, размахивая своими мандатами и удостоверениями, кричал, что он никак не может позволить, чтобы его задержали «какие-то агенты ВЧК». Ему разъяснили, что действуют они по закону, что о Г. Колобове уже оповещено его начальство по службе. После этого всю задержанную группу на квартире Зои Шатовой препроводили во внутреннюю тюрьму ВЧК.

Петроградская знакомая Есенина, эсерка Мина Свирская, в это время находилась под арестом и оказалась свидетелем пребывания поэта под следствием. «Летом 1921 года я сидела во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке, – вспоминала М. Свирская. – К нам привели шестнадцатилетнюю девушку, которая приехала к своей тетке из провинции. Тетка содержала нелегальный ресторан. Для обслуживания посетителей она выписала племянницу. Органами ВЧК учреждение было обнаружено. Устроена засада, всех приходивших задерживали. Задержаны были Есенин, Мариенгоф и Шершеневич (на самом деле Г. Колобов. – С. З.). Их привезли на Лубянку. Тетку, эту девушку и еще кого-то поместили в камере, а целую группу держали в «собачнике» и выпускали во двор на прогулку. Я увидела Есенина. Он стоял с Мариенгофом и Шершеневичем довольно далеко от нашего окна. На следующий день их снова вывели на прогулку. Я крикнула громко: «Сережа!». Он остановился, поднял голову, улыбнулся и слегка помахал рукой. Конвоир запретил им стоять. Узнал ли он меня? Не думаю. До этого я голодала десять дней... На следующий день всю эту группу во дворе фотографировали. Хозяйку, матрону очень неприятного вида, усадили в середине. Есенин стоял сбоку. Через некоторое время меня с группой товарищей увезли в Новосибирск».

Узнав об аресте С. Есенина, Г. Бениславская предложила для его освобождения свои услуги. Надежда Вольпин вспоминала: «...Каждый вечер захожу в СОПО узнать, что слышно о Есенине. Отвечают мне неохотно и не очень правдиво. Или это мне вообразилось – со страху за Есенина? Время бурное, тут и без вины пропасть недолго! Поздний вечер. Отчитав с эстрады свои последние стихи, я прошла в ЗАО поэтов. Ко мне сразу подступили две молодые женщины. Одна – высокая, стройная, белокурая, с правильным, кукольно-красивым и невыразительным лицом: назвалась Лидой, без фамилии. Вторая – среднего роста, нескладная, темноволосая, с зелеными в очень густых ресницах глазами под широкой чертой бровей, тоже в очень густых ресницах глазами под широкой чертой бровей, тоже очень густых и чуть не сросшихся на переносье. Лицо взволнованное, умное: Галина Бениславская. Просит меня разузнать в правлении СОПО о Есенине – где он сидит и по какому делу. Я отклоняю просьбу:

– Спрашивала. Мне не ответят.

Те не поверили, настаивают. Думают, глупые, что во мне говорит обывательский страх. Страх-то есть, но страшусь не за себя.

– Я не из пустого любопытства, – сказала, наконец, темноволосая. – Я могу помочь.

Услышав «могу помочь», я решилась вызвать к ним Грузинова: он у нас секретарь правления и, знаю, предан Есенину.

Вызвала, и тут же меня осенило: если может помочь... значит, может и навредить? Ну, Грузинов не дурак, сообразит, как повести себя с объявившейся вдруг помощницей».

После проверки задержанных лиц на квартире Зои Шатовой было установлено, что арестованные не имеют никакого отношения к политике. Тот же Т.П. Самсонов говорил с сожалением: «Думали, что открыли контрреволюционную организацию, а оказалась крупная спекуляция». Вскоре все задержанные были отпущены.

Помощь Бениславской не потребовалась.

Проработала Галина в Особой межведомственной комиссии недолго. Подводило ее здоровье. Ей приходилось нередко лечиться от неврастения в санаториях. Длительное отсутствие на работе отрицательно сказывалось на ее служебной карьере. 27 апреля 1922 г. ей на руки выдали справку, в которой говорилось: «Прошу сотрудницу для поручений сельскохозяйственного отдела Бениславскую. Г. А., как фактически в отделе не работающую около 4 месяцев, откомандировать в административный отдел ГПУ».

Администрация ГПУ не смогла предложить ей подходящую должность, а на оперативную работу она не подходила по состоянию здоровья, да и желания у нее к такой работе не было. В начале марта 1922 г. она получила бумагу с указанием, что «уволена со службы ГПУ по личному желанию и направляется в подотдел учета и распределения рабочей силы гор. Москвы».

Под гипнозом стихов Есенина

Как-то раз, проходя по улицам Москвы, Яна Козловская прочла афишу о выступлении в Политехническом музее поэта Сергея Есенина. Тут же купила билеты, а дома сказала Гале: «Я купила билеты на вечер Сергея Есенина». – «Какого Есенина?» – спросила она. «А помнишь, в Питере выступал с Клюевым молодой поэт и читал чудесные стихи?» – «Помню, помню, – сказала Галя, – молодец, что взяла билеты».

Так Галина Бениславская 20 сентября 1920 года оказалась на чтениях «О современной поэзии», устроенных Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее.

Вечер задумывался как продолжение лекции поэта Валерия Брюсова «Задачи современной литературы», прочитанной им 19 сентября. Аудитория Политехнического музея была переполнена. В развернувшейся дискуссии приняли участие многие литераторы, в том числе и Сергей Есенин. Иван Грузинов от имени имажинистов пытался убедить публику, что только имажинистов следует рассматривать «исходной точкой наступающего ренессанса». Такое заявление было встречено криками «Долой!»

Сергей Есенин старался перекричать строптивых зрителей, но в общем гуле можно было уловить только его отдельные фразы: «мы пришли, великие обнажатели человеческого слова», «старые писатели примазывались к властям – сейчас больше примазываются», «нельзя свободно написать ни одной строчки, относящейся к искусству, – дай политики»... Чтобы успокоить зал, решили продолжить спор на следующий день, предоставив возможность выступать представителям разных литературных школ и направлений.

20 сентября 1920 г. зал быстро заполнился представителями всевозможных «истов»: неоакмеисты, футуристы, имажинисты, импрессионисты, экспрессионисты и пролетарские поэты. Выступали от каждой группы сначала с декларацией, а потом демонстрировали образцы своего творчества. Галина обратила внимание, что С. Есенин и А. Мариенгоф пришли в цилиндрах, при этом она сразу же оценила, что низкорослому Есенину цилиндр подходил как корове седло, так как высокий цилиндр придавал кинематографическую комичность его невысокой фигуре.

Имажинисты старались громко заявить о себе. Поэт Вадим Шершеневич зачитал декларацию, основную мысль которой он несколько раз повторил: **нет литературы и искусства, кроме имажинизма**. Неожиданно выступил Владимир Маяковский, который не стал отстаивать футуризм, а бросил аудитории упрек, что он считает сегодняшний вечер пустой тратой времени, в то время как в стране разруха, фабрики стоят, было бы лучше вместо этого вечера открыть еще один агитпункт для народа. Это заявление было встречено свистом и криками. Прочитал Маяковский свою поэму «150 000 000» при одобрительных выкриках «давно бы так». Затем стихи стал читать Сергей Есенин. Он в первом стихотворении употребил свободное выражение, поэтому председателю пришлось потратить силы, чтобы утихомирить активно протестующих слушателей. В. Шершеневич был настроен побоевому. «Я стащу со стола всякого, – кричал он, – пока Есенин не прочтет своего второго стихотворения». Публике пришлось подчиниться.

В дальнейшем Г. Бениславская с подругами старались не пропускать ни одного поэтического вечера с участием Сергея Есенина. Особенно запомнился литературный «Суд над имажинистами» в Большом зале Консерватории в Москве, состоявшийся 4 ноября 1920 г. В зале было холодно, отопление не работало. Желающих присутствовать на этом необычном «литературном суде» было много. В основном молодые юноши и девушки. Смеются, громко разговаривают, спорят. Их привлекала не только необычность представления, но и обилие задействованных в судебном процессе поэтов и критиков. На скамье подсудимых сидели учредители литературного движения имажинизма Иван Грузинов, Сергей Есенин, Алек-

сандр Кусиков, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич. Свидетелями защиты согласились быть Николай Эрдман и Федор Жиц. Главным литературным обвинителем выступил Валерий Брюсов, которого поддерживали Адалис, Сергей Буданцев, Тимофей Левит. Гражданским истцом выступал И. А. Аксенов. Присяжными заседателями, в соответствии с требованием судебного процессуального кодекса, избирались 12 человек из публики.

Перед началом суда подсудимые имажинисты стали шумно усаживаться, смеяться, переговариваться. Некоторые что-то жевали. Галина шепнула Яне, что это они жуют кокаин для возбуждения. Неожиданно она почувствовала на себе любопытный, чуть лукавый взгляд. Смотрел рядом сидящий с Шершеневичем поэт Есенин, выглядевший почти мальчишкой. Смотрел в упор. Это возмутило девушку. «Вот нахал какой», – сказала Яне, но та восторженно смотрела на Шершеневича, голос которого, когда он читал стихи, очень ей нравился.

Все понимали театрализованность судебного представления. В обвинительной речи Валерия Брюсова было много иронии. Попробовал на иронии построить свое выступление Иван Аксенов, но речь гражданского истца была скучноватой. К концу его сипловатого выступления из зала послышались реплики, некоторые зрители стали подтрунивать над ним. Есенин быстро воспользовался этим. Он тут же решил бить врага его собственным оружием.

Поэт встал, вытянутой рукой указал на рыжую бороду Ивана Аксенова и громко спросил:

– Кто судит нас? Кто? Что сделал в литературе гражданский истец – этот тип, утонувший в бороде?

Это меткое замечание о бороде истца было встречено залом аплодисментами одобрения. И. Аксенов от неожиданности не смог своевременно ответить на вопрос.

Выступления имажинистов в свою защиту были незапоминающимися. Декларативные заявления о преимуществе своих поисков в русской поэзии залом принимались вяло. Не все были готовы углубляться в теоретические дебри. Стало даже скучно.

Все изменилось, когда поэты стали читать свои стихи. С этого момента Галина Бениславская помнила многое. В своих воспоминаниях в 1926 г. писала:

«Вдруг выходит тот самый мальчишка: короткая, нараспашку оленья куртка, руки в карманах брюк и совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув голову назад и стан, начинает читать:

Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении, отражающем движение стиха. Гибкий, буйный, как ветер, с которым он говорит, да нет, что ветер, ветру бы у Есенина признаться удали. Где он, где его стихи и где его буйная удаль – разве можно отделить. Все это слилось в безудержную стремительность, и захватывает, пожалуй, не так стихи, как стихийность.

Думается, это порыв ветра такой с дождем, когда капли не падают на землю, и они не могут и даже не успевают упасть.

Или это упавшие желтые осенние листья, которые нетерпеливой рукой треплет ветер, и они не могут остановиться и кружатся в водовороте.

Или это пламенем костра играет ветер и треплет и рвет его в лохмотья, и беспощадно треплет самые лохмотья.

Или это рожь перед бурей, когда под вихрем она уже не пригибается к земле, а вот-вот, кажется, сорвется с корня и понесется неведомо куда.

Нет. Это Есенин читает «Плюйся, ветер, охапками листьев...» Но это не ураган, безобразно сокрушающий деревья, дома и все, что попадает на пути. Нет. Это именно озорной, непокорный ветер, это стихия не ужасающая, а захватывающая. И в том, кто слушает, невольно хочется за ним повторить с той же удалю: «Я такой же, как ты, хулиган...»

Потом он читал «Трубит, трубит погибельный рог!..».

Что случилось после его чтения, трудно передать. Все вдруг повскакивали с мест и бросились к эстраде, к нему. Ему не только кричали, его молили: «Прочитайте еще что-нибудь». И через несколько минут, подойдя, уже в меховой шапке с собольей оторочкой, поребячески прочитал еще раз «Плюйся, ветер...»

Опомнившись, я увидела, что я тоже у самой эстрады. Как я там очутилась, не знаю и не помню. Очевидно, этим ветром подхватило и закрутило и меня. (...) Что случилось, я сама еще не знала. Было огромное обаяние в его стихийности, в его полубоярском, полухулиганском костюме, в его позе и манере читать, хотелось его слушать, именно слушать еще и еще.

А он вернулся на то же место, где сидел, и опять тот же любопытный и внимательный, долгий – так переглядываются со знакомыми, взгляд в нашу сторону. Мое негодование уже забыто, только неловко стало, что сижу так на виду, перед первым рядом».

Литературный суд над поэзией

Когда Вадим Шершеневич объявил, что через полторы недели они устраивают вечер, на котором имажинисты будут судить поэзию, то Бениславская сразу решила, что обязательно будет присутствовать.

Эти полторы недели для Галины Бениславской пролетели под гипнозом стихов Сергея Есенина.

Литературный «Суд над современной поэзией» состоялся 16 ноября 1920 года в Политехническом музее. За несколько часов у входа собралась толпа жаждущих попасть на вечер. Поэтам-имажинистам пришлось просить конную милицию проложить путь к входу в здание. В зале в основном шумная, озорная молодежь, резво занимала нумерованные места. Первые ряды достались тем, кто пришел на вечер в 6 часов, за два часа до начала.

Галина с подругами с трудом нашли свободные места во втором ряду. Она не могла отделаться от мысли: что же будет читать Есенин! Другие поэты ее не интересовали.

От имажинистов с обвинительной речью первым выступил Иван Грузинов. Нападал в основном на символистов, футуристов, акмеистов.

Сергей Есенин подготовился к выступлению и читал ее по бумажке звонким высоким тенором. Больше всех досталось футуристам. Обвинил поэта Велимира Хлебникова в произвольном и хаотичном словотворчестве. Досталось и другим футуристам. Но неожиданно Есенин заявил:

– Маяковский безграмотен!

Такого обвинения присутствовавший в зале Маяковский не мог стерпеть. Из зала раздался его зычный голос о том, что он кое-что знает о незаконном рождении этих ниспровергателей футуризма. Он решительно взвошел на эстраду. Оказался рядом с Есениным, который, глядя на рослую фигуру Маяковского, пытался перекрыть его:

– Вырос с версту ростом и думает – мы испугались – не запугаешь этим!

Маяковский стал говорить о том, что имажинисты не создают, а убивают русскую поэзию.

Это вызвало озлобленность у Есенина. Он вскочил на стол президиума, рванул на себе галстук, взъерошил свои кудрявые волосы и закричал сильным голосом:

– Не мы, а вы убиваете поэзию! Вы пишете не стихи, а агитезы!

Маяковский ответил также ловким неологизмом:

– А вы – кобылезы!

Эта перепалка залом была встречена восторженно. Но скандал не получил развития. Перешли на чтение стихов.

Есенин читал последним из имажинистов. Он предложил послушать недавно написанную поэму «Сорокоуст». Но стоило ему в самом начале выступления произнести строки: «Вы, любители песенных блох, // Не хотите ль пососать у мерина?», а затем через три строки «И всыпают вам в толстые задницы // Окровавленный веник зари», в зале раздался свист, взрыв недовольного возмущения. Голос поэта утонул в этом грохоте. Слышны были крики «Долой!»

Успокаивать аудиторию пришлось председательствующему поэту В. Брюсову. Он протягивает руку, прося тишины, и когда свист затих, сказал тихо и убедительно:

– Я надеюсь, что вы мне верите. Я эти стихи знаю. Это лучшие стихи из всех, что были написаны за последнее время!

Сидящие в зале затихли. Есенин с тем же задором дочитал поэму. А после фраз:

Милый, милый, смешной дуралей,

Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница? —

все опять оказались в плену поэтического слова. Поэта зал провожал бурными овациями.

Не могла скрыть своего восторга и Галина. Она сорвалась с места и бросилась на эстраду. «Я до сих пор не знаю, как и почему очутилась там, за кулисами, — вспоминала она. — По словам Яны, я сорвалась и бросилась по лестнице на эстраду, потянув и ее за собой. Опомнилась я уже стоя в узком проходе: за сценой направо в дверь был виден Есенин. «Яна, ройся в своем портфеле, ищи чего-нибудь там» (это чтобы удобнее было стоять). Яна, ошеломленная, выполняет. Вдруг Есенин нагло подлетает вплотную и останавливается около меня. Не знаю отчего, но я почувствовала, что надо дать отпор: чем-то его выходка оскорбила меня и мелькнула мысль: «Как к девке подлетел» — «Извините, ошиблись». И, резко повернувшись, умышленно резким тоном сказала Яне: «Ну, что ты копаешься, пойдем же». С какой физиономией Сергей Александрович остался — не знаю».

Физиономия здесь ни при чем. По дороге домой Галину стала точить мысль, что именно такого она могла бы полюбить, а быть может, уже и полюбила. За таким человеком готова пойти куда угодно. Ведь это и есть тот «принц», которого она давно ждала.

Отчетливо поняла, почему никого не любила до сих пор, прожив уже 23 года.

«Не любила потому, — убеждала сама себя Галина, — что слишком большие требования были (подсознательно), много надо было творческого огня и стихии в человеке, чтобы захватить меня своим романтизмом. А это в первый раз почувствовала в Есенине. В этот же вечер отчетливо поняла — здесь все могу отдать: и принципы (не выходить замуж), и — тело (чего до сих пор не могла даже представить себе), и не только могу, а даже, кажется, хочу этого. Знаю, что сразу же поставила крест на своей мечте о независимости и подчинилась. Тот отпор его наглой выходке был дан так, для фасона... С этого вечера до осени 1922 г. (два года) я засыпала с мыслью о нем и, когда просыпалась, первая мысль была о Сергее Александровиче, так же как в детстве первой мыслью бывает: «Есть ли сегодня солнце?»

Яна молчаливо шла рядом. Она ждала, когда первой начнет говорить Галина. И действительно, Галя не выдержала и неожиданно сообщила:

— Знаешь, а мне больше всех понравился Есенин.

— Ну да, он все время на тебя смотрел, потому и понравился, — ответила спокойно Яна.

Ничего Яна не поняла. Галина даже обозлилась, что подруга не понимает ее чувств, не осознает, что теперь не мыслится вся дальнейшая жизнь без этого человека, полного стихийности и поэтичности.

«В этот день пришла домой внешне спокойная, — вспоминала Г. Бениславская, — а внутри — сплошное ликование, как будто, как в сказке, волшебную заветную вещь нашла».

Своих чувств к Есенину Галина уже не могла скрыть. Как-то с Яной попали на проводимый в Политехническом музее конкурс поэтов. Победитель должен быть определен зрителями. Решили голосовать за Есенина, но с разочарованием узнали, что он не будет участвовать в конкурсе. Стало скучно и неинтересно. «Вдруг поворачиваю голову налево к выходу, — вспоминала Бениславская, — и... вижу у самых дверей виднеется золотая голова! Я вскочила с места и на весь зал вскрикнула: «Есенин пришел!». Сразу суматоха и переполох. Начался вой: «Есенина, Есенина, Есенина!». Часть публики шокирована. Ко мне с насмешкой кто-то обратился: «Что, вам про луну хочется послушать?» Огрызнулась только и продолжала с другими вызывать Есенина».

Сергея Есенина на руках втащили и поставили на стол, но он сказал, что в конкурсе не участвует, но прочитает вне конкурса несколько своих стихотворений. Галина выразила

мнение многих: «Было ясно, что ему и незачем участвовать в конкурсе, ясно, что он, именно он – первый».

Жизнь не сказка, она поухабистее, поглубее, но Бениславской не хотелось потерять сказочного оттенка в жизни. Она не знала, что ее ожидает впереди, да и зачем ей сейчас решать эту головоломку, когда лучше находиться в сказочном плену.

Галина с подругами не причисляли себя к фанаткам поэта, но интереса своего к нему не скрывали. Однажды после окончания концерта в Политехническом музее пошли вслед за Есениным, чтобы узнать, где он живет. Поэт вышел из здания в окружении щебетавших от восторга девиц, которые восклицали «Душка Есенин!». «Помню, – писала Г. Бениславская, – коробило очень, и обидно было и за него и за себя, хотя мы шли по другой стороне, не подавая вида, что интересуемся им. На углу Тверской и Охотского девицы отстали, а мы провожали по всей Никитской, до дома 24, в подъезде которого он скрылся. Было ясно, что он живет именно в этом доме. И очень скоро мы узнали об этой ошибке».

Знакомство с Сергеем Есениным

С тех пор не было выступления Есенина, на котором бы Бениславская не побывала. При этом с подругами покупали всегда одни и те же места – 4 ряд, 16–17 места, и так неистово аплодировали поэту, что он, выйдя на эстраду, обычно приветствовал их кивком головы.

Чаще С. Есенина можно было встретить в кафе «Стойло Пегаса», которое было известно как клуб «Ассоциации вольнодумцев», официального именованного объединения поэтов-имажинистов. «Ассоциация вольнодумцев», по предложению С. Есенина, как культурно-просветительное учреждение должна объединить творческих людей, пропагандирующих и распространяющих идеи революционной мысли и революционного искусства. Деятельность Ассоциации должна была осуществляться в проведении митингов, лекций, чтений, бесед, спектаклей, концертов, выставок и других просветительных форм работы. Предусматривалось иметь собственное помещение, столовую, редакцию с библиотекой-читальней, образцовую студию.

Инициатива С. Есенина нашла поддержку у единомышленников. Среди учредителей, подписавших Устав «Ассоциации вольнодумцев», были поэты А. Мариенгоф, В. Шершеневич, М. Герасимов, чекист Я. Г. Блюмкин, бывший трактирщик А. Д. Силин, уполномоченный Транспортно-материального отдела ВСНХ Г. К. Колобов, издательский работник А. М. Сахаров, литератор И. И. Старцев; журналист Марк Криницкий, член коллегии Наркомата просвещения Д. И. Марьянов, литератор М. Д. Ройзман.

С. Есенину пришлось в некоторых случаях использовать свой авторитет. М. Ройзман вспоминал, что после прочтения Устава Есенин заявил ему:

– Прочитай и подписывай.
– Сергей Александрович! – заколебался М. Ройзман. – Я же только-только начинаю!
– Подписывай! – Есенин наклонился и, понизив голос, добавил: – Вопрос идет об издательстве, журнале, литературном кафе...

На Уставе сбоку стояла подпись Шершеневича: «В. Шерш.». М. Ройзман взял карандаш и тоже подписался пятью буквами.

– Это еще что такое? – сказал Есенин сердито.
– Я подписался, как Шершеневич.
– Раньше будь таким, как Шершеневич, а потом также подписывайся.

Есенин стер подпись Ройзмана резинкой, и тому пришлось написать свою фамилию полностью.

24 октября 1919 года Устав «Ассоциации вольнодумцев» был утвержден, при этом на Уставе появилась поясняющая резолюция: *«Подобные общества в Советской России в утверждении не нуждаются. Во всяком случае, целям Ассоциации я сочувствую и отдельную печать разрешаю иметь. Народный комиссар по просвещению А. Луначарский».*

Энергичные С. Есенин и А. Мариенгоф вскоре получили помещение бывшего кафе «Бим-Бом» на улице Тверской, 37. Художник Григорий Якулов нарисовал на вывеске скачущего «Пегаса» и вывел название буквами, которые как бы летели над ним. Внутри помещения художник с помощью своих учеников выкрасил стены кафе в ультрамариновый цвет, а на них яркими желтыми красками нарисовал портреты поэтов-имажинистов и цитаты из написанных ими стихов.

В конце октября 1919 года кафе «Стойло Пегаса» было открыто. Оно быстро приобрело популярность в Москве. Его завсегдатаями стала разношерстная публика, приходившая послушать читающих стихи молодых поэтов, поприусловствовать при жарких спорах литературоведов, философов, художников.

После посещения литературных судов в Политехническом музее Галина Бениславская также решила посетить «Стойло Пегаса», о котором была наслышана.

Для нее все здесь было необычным. Стала внимательно рассматривать помещение. Между двух зеркал сразу заметила нарисованное контурами лицо Есенина с золотистым пухом волос. Под портретом читалось есенинское двустишие: «Срежет мудрый садовник – осень // Головы моей желтый лист». Слева от зеркала просматривались изображения нагих женщин, у которых глаз был нарисован в середине живота. И здесь рисунки сопровождались есенинскими строками: «Посмотрите: у женщин третий // Вылупляется глаз из пупа».

Справа от другого зеркала был нарисован человек в цилиндре, в котором легко узнавался есенинский друг Анатолий Мариенгоф, почему-то кулаком бьющий в желтый круг. В углу просматривался портрет поэта Вадима Шершеневича на фоне намеченного пунктиром забора. Оба портрета также иллюстрировались строчками стихов.

Над эстрадой, наверху стены, крупными большими буквами читались хорошо известные Галине слова из стихотворения Есенина:

Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Галя пришла с Яной Козловской и Лидой Берестовой. Прослушали доклад, который вызвал ожесточенные споры о художественном образе, о форме и содержании. Каждый выступающий старался доказать свою правоту. Художник Григорий Якулов выступление дополнял демонстрацией своих картин. Есенин не всегда участвовал в спорах, обсуждениях, но старался показать, что он в кафе не постороннее лицо. Галина от других узнала, что он порой бывает дерзким, может вступать в перепалку, даже потасовку, если в кафе возникали непредвиденные ссоры между посетителями.

Есенин обратил внимание на Бениславскую с подругами, но знакомиться в этот раз воздержался.

Однажды Галина пришла в кафе одна. Есенин подошел к ней и как-то взволнованно, но грубо, вполголоса, наклонившись, сказал:

– Послушайте, но так же нельзя, вы каждый вечер сюда ходите...

Гале показалось, что он хотел добавить «из-за меня», и она уже готова была резко ответить: «Да вы что, с ума сошли? Вас-то меньше всего заметила», но услышала продолжение фразы Сергея:

– Я уже сказал в кассе, чтобы вас пропускали как своих, без билета. Скажите фамилию, и я велю кассирше записать.

Галя вздохнула облегченно. Назвала фамилии: Козловская, Бениславская, Берестова. Свою фамилию не назвала первой, предполагая, что таким хитрым образом у нее хотят ее узнать.

Есенин пошел к кассирше, быстро вернулся и сказал, что распоряжение о безбилетном пропуске он отдал.

Сомнения Галины рассеялись, когда на следующий вечер она прошла в зал кафе без оплаты входного билета. Есенин тут же поздоровался с ней, сказал, что теперь в кафе вечера будут проходить интересней, так как пригласили играть небольшой оркестр.

Разговор продолжался весь вечер. Галя высказала свои сомнения насчет музыки приглашенного оркестра. Неожиданно заговорили о современной поэзии, упомянули Маяковского.

– Да это ж не поэзия, у него нет ни одного образа, – горячо доказывал Сергей.

– Вы не правы, – возражала Галина. – Я в следующий раз обязательно принесу произведения Маяковского, в которых отмечу карандашом удачные и запоминающиеся образы.

Весь вечер Есенин нежно проявлял к ней внимание.

На следующий день с ликующими глазами Галина сказала Яне, что она лично познакомилась с Есениным. Подруга ей не поверила.

– Ну что ж, на следующий вечер пойдем, увидим, – пообещала Бениславская.

А сама в душе испытывала страх. А вдруг к знакомству с ней Есенин отнесся несерьезно. Придешь в кафе, а он и не посмотрит! Вот будет скандал!

Страхи исчезли, когда в кафе к их столику направился Есенин. Галина познакомила его с Яной.

Прощаясь, Есенин не забыл напомнить:

– Девочки, приходите завтра ко мне, у меня будут читать новые стихи лучшие поэты.

От такого внимания Галя и Яна были на седьмом небе. С этого дня началось их знакомство и дружба с Есениным, длившаяся до его смерти.

Соперницы Бениславской

Есенин пользовался большим успехом у своих поклонниц, постоянно окружавших его на литературных вечерах в кафе. Это в меньшей степени волновало Бениславскую, так как считалось обычным делом наличие поклонниц и поклонников у известных поэтов и артистов. Серьезную озабоченность у Галины вызвало известие, что у Сергея Есенина сложились серьезные любовные отношения с поэтессами Екатериной Романовной Эйгес и Надеждой Давидовной Вольпин.

Екатерина Эйгес была на пять лет моложе Есенина. Писала стихи, которые Есенин читал в рукописи. Весной 1919 г. помог ей вступить в члены Всероссийского союза поэтов. Стали перезваниваться, затем встречаться на квартире Эйгес. При встречах поэт читал Екатерине свои новые стихи, слушал стихи молодой поэтессы. «Помню, я прочитала Есенину свое стихотворение, – вспоминала Е. Эйгес, – которое оканчивалось словами: «И счастье, что было возможно три года тому назад». Он взял со стола книжку «Голубень» и написал на ней, сбоку, наверху, так: «Ек. Ром. Эйгес. Здесь тоже три года тому назад, а потому мне прибавить к этой записи больше нечего»

Есенин иногда помогал Екатерине по хозяйству. Сохранилась записка к Эйгес, в которой поэт писал: «Как и нужно было ждать, вчера я муку тебе не принес. Сегодня утром тащили чемодан к тебе с Мариенгофом и ругались на чем свет стоит. Мука в белье, завернута в какую-то салфетку, которая чище белья и служит муке предохранением. Белье отдай прачке. Расти большая. Твой С. Есенин».

Есенин подарил Эйгес свои фотографии и книги «Микола», «Ключи Марии». На сборнике «Преображение» написал: «Тебе единой согрешу». В день рождения Екатерины преподнес ковер в русском стиле с портретом Георгия Победоносца. Весной 1920 г. Есенин оставил ей на хранение часть своих рукописей. «Вот, – сказал Есенин, – даю тебе третью часть своих рукописей, остальные две – маме и сестре Кате, – вспоминала Е. Эйгес. – С этими словами Есенин достал целую кипу рукописных листов и, отделив третью часть, дал ее мне. Я спрятала листки, их было штук пятьдесят. К сожалению, сохранилось только три листка...».

Г. Бениславская не проявила большого интереса к сопернице. Ко времени ее знакомства с Есениным у поэта роман с Екатериной почти прекратился, так как он увлекся молодой поэтессой Надеждой Вольпин.

Надежда, как и Бениславская, окончила в 1917 г. гимназию. Рано начала писать стихи. Устроилась работать библиотекарем в военном госпитале. Изучала иностранные языки. В 1919 г. была принята в Союз поэтов. В ноябре 1919 г. Н. Вольпин познакомилась с Есениным. В клубе поэтов отмечали вторую годовщину Октября. Выступали поэты. Имена многие неизвестные. С. Есенин сидел за столиком. Его имя также стояло на плакате, висящем при входе. Кто-то из распорядителей вечера подошел к Есенину:

– Сергей, выступишь?

– Да нет, неохота...

– Нехорошо. Ты же на афише...

– А меня не спрашивали... Так и Пушкина можно поставить в программу.

Надя оказалась свидетельницей этого разговора. Набралась храбрости, подошла к столику.

– Вы Есенин? Прошу вас от имени моих друзей... и от себя. Мы вас никогда не слышали, а ведь читаем, знаем наизусть...

Есенин встал, учтиво поклонился девушке.

– Для вас – с удовольствием!

Поэт прочитал отрывок из «Иорданской голубицы» и стихотворение «Песнь о собаке».

Вскоре Сергей и Надежда познакомились ближе, стали встречаться. О своей сопернице Е. Эйгес Надежда знала, при встречах видела, что та не скрывает своей ревности к ней. Это не обескураживало молодую поэтессу. Остановить ее было невозможно. Она готова была бороться до конца. «Мне двадцать, – рассуждала Н. Д. Вольпин. – Кате, я думала, двадцать три. Она повыше меня, темные волосы и глаза, плакатно-красивое, с правильными чертами лицо, полна, но статна. И на диво легкая и плавная походка. У такой павы отбить любимого, пожалуй, лестно для юной девчонки (по годам я не так уж юна – двадцать лет, но по опыту любовному еще совсем дитя). (...) Я, точно девочка-подросток, полагаю, что настоящее чувство, одухотворенное, возможно только у молодых; с Катей же Сергея может связывать только то, что зовется физической близостью».

Надежда Вольпин выступала на поэтических вечерах, ее стихотворения публиковались в сборниках Союза поэтов. С. Есенин был к ней внимателен, дарил свои книги. На «Третьякнице» (1920) написал: «Надежде Вольпин с надеждой. Сергей Есенин», а на развороте «Преображения» (1921) предыдущую надпись дополнил: «Надежде Вольпин с надеждой, что она не будет больше надеждой. Сергей Есенин».

Надежды поэта сбылись. Позже Н. Вольпин вспоминала:

«Весна двадцать первого. Богословский переулок. Я у Есенина.

Смущенное:

– Девушка!

И сразу на одном дыхании:

– Как же вы стихи писали?

Если первый возглас я приняла с недоверием (да неужто и впрямь весь год моего отчаянного сопротивления он считал меня опытной женщиной!), то вопрос о стихах показался мне столь же искренним, сколь неожиданным и... смешным».

Как ни странно, но именно при этой встрече Есенин стремился как-то обезопасить себя от возможных последствий. Н. Вольпин запомнила его слова, сказанные им в тот вечер запоздалой победы:

– Только каждый сам за себя отвечает!

– Точно я позволю другому отвечать за меня! – невесело ответила Надежда.

Подумала: «Выходит, все же признаешь в душе свою ответственность – и прячешься от нее? Но этого я ждала наперед». Есенин не забыл напомнить ей и свое давнее этическое правило: «Я все себе позволил!».

Надежда в это время догадывалась, что у нее появилась новая соперница, более опасная, чем Екатерина Эйгес. Она навела справки о Галине Бениславской. Видела ее обычно в кафе «Стойло Пегаса».

Надежда Вольпин не скрывала нелюбви к новой сопернице, но своих чувств не показывала, хранила втайне. Галина чуть ли не ежедневно приходила в «Стойло Пегаса» с какой-нибудь подругой, то с Аней Назаровой, то с красавицей Лидой Берестовой, но чаще с Яной Козловской. Поэтессы Надежда Вольпин и Сусанна Мар между собой Яну звали Самоваром за ее полную низкорослую фигуру без какого-нибудь намека на талию.

Обычно Галина с подругой усаживались не за столиком, а сбоку на эстраде, позади рояля, лицом к коридору, который вел на кухню. Сидели безмятежно, словно на крыльце. К ним скоро подходил Есенин, между ними завязывалась непринужденная беседа.

Холостой Есенин

Ранним ноябрьским утром Галина усаживалась на своем рабочем месте. Напротив погрузился в лежащие на столе бумаги Н. В. Крыленко, ее непосредственный начальник.

Неожиданно прозвенел телефон. Яна взволнованно сообщила:

– Слушай, могу сообщить приятную тебе вещь! Оказывается, Есенин разошелся со своей женой.

Новость действительно была необычной. У Галины даже екнуло в груди, но она быстро собралась, посмотрела на начальника и с какой-то злостью сказала подруге:

– Не звони по пустякам мне на работу.

Не положила, а бросила трубку.

Она знала, что Есенин женат и у него есть ребенок, дочь Татьяна, так как о двух сыновьях, Юрии и Константине, поэт ей не говорил. Бениславская никак не могла представить этого подвижного юношу ходящим по комнате с ребенком на руках, тем более подумать, что он может возиться с детскими пеленками. Такая картина у нее в голове не укладывалась. Слишком это противоречило созданному ею романтизированному образу поэта.

Сейчас же, узнав от Яны о разводе, попыталась осмыслить услышанное. Почему же эта новость ее разозлила?... В ее голове молнией пронеслось: «Я знала, что он женат. Есть жена, он ее любит (ведь только купцы и фабриканты могут не любить жен и жить с ними), значит, я могу быть спокойной и оставаться пассивной. Любить я могу сколько угодно – и только!.. Становиться на чьем-либо пути я не способна».

Но ведь это было раньше! Теперь никаких моральных препонов нет! Он свободен! Свободен!..

Но тут же радость сменилась тревожными размышлениями. Есенин разводится с женой, но это означает, что кто-то из них несчастен. Он или его жена? Скорее всего жена. Но разве можно радоваться несчастью человека, близкого ему, даже если на этом строится твое счастье!

Позже, вспоминая этот день, Галина Бениславская запишет: «Раз никаких внешних преград нет, то я пойду на все. Я не могу не пойти – это моя внутренняя обязанность завоевывать то, на что я имею право. Почувствовала, что это скорее страшно, а не радостно. Во всяком случае, было ощущение чего-то рокового».

У Есенина действительно дело шло к разводу. Примирения, несмотря на многие попытки со стороны его жены, Зинаиды Николаевны Райх, не получалось. Развод состоялся не в 1920-м, как об этом записала в своих воспоминаниях Г. Бениславская, а в 1921 году.

Галина не знала, что жена Есенина в это время переживала один из самых сложных и драматичных периодов в своей жизни. «Райх с младенцем Костей нашла себе приют в Доме матери и ребенка на Остоженке, – вспоминала ее дочь Т. С. Есенина. – Это было убежище для матерей-одиночек, неплохо по той поре обеспеченное. Однако сам по себе факт, что Райх – с ее-то гордостью, с ее-то верой в себя, с ее-то внутренней независимостью – очутилась в таком заведении, означал полную катастрофу. Спустя пятнадцать лет Райх все еще с тоской и ужасом вспоминала «о самом главном и самом страшном в моей жизни – Сергее». Одним ударом раскололась вся ее жизнь. Беды стали преследовать ее. Неожиданно заболел Костя. Едва удалось его спасти, как тяжело заболела сама Зинаида Николаевна. Ее выздоровление было большим чудом».

В июле 1920 года Есенин был проездом в Ростове-на-Дону. На железнодорожной станции он встречался с женой, которая ездила поправить свое здоровье в Кисловодск. Узнав, что муж оказался рядом, Зинаида Николаевна попросила через друзей, чтобы он повидал своего сына. С. Есенин не хотел встречаться, но затем, по воспоминаниям А. Мариенгофа,

«вошел в купе, сдвинул брови. Зинаида Николаевна развязала ленточки кружевного конвертика. Маленькое розовое существо барахтало ножками. – «Фу. Черный... Есенины черными не бывают». На этом свидание завершилось.

Дальнейшая совместная жизнь не имела никаких перспектив. 19 февраля 1921 года Сергей Есенин подал заявление о разводе, в котором брал на себя обязательства: «Наших детей – Татьяну трех лет и Константина одного года оставляю для воспитания у моей бывшей жены Зинаиды Николаевны Райх, беря на себя материальное обеспечение их, в чем и подписываюсь». Дело с разводом растянулось до осени. Брак был расторгнут заочно 5 октября 1921 г. по решению суда в г. Орле на основании поданного заявления З. Н. Райх. Ей вернули девичью фамилию, оставили на ее попечении детей, предоставили право взыскивать с Есенина расходы на их содержание.

Оставив детей у родителей в Орле, Зинаида Николаевна в Москве заболела брюшным, а чуть позже сыпным тифом, затем оказалась в психиатрической лечебнице. Чередования нескольких маний приводило нередко к буйному помешательству.

Всех этих подробностей Бениславская не знала, да и не пыталась узнать. Она теперь не мыслила себя вне своей любви к Есенину и с нетерпением ждала встреч с ним. При этом если и были встречи, то они обязательно проходили в присутствии кого-нибудь из друзей Есенина или подруг Бениславской.

Сергей Есенин в это время был чрезмерно занят собой. Он находился в зените своей поэтической славы. Его стихи звучат с эстрады кафе «Стойло Пегаса», со сцены Политехнического музея, различных клубов и литературных кафе. Много хлопот доставляют ему издательские дела. В начале января 1921 г. выходит его книга «Исповедь хулигана». Через месяц издается сборник «Третьякница». Сдана в типографию книга стихов «Ржаные кони». Есенин с друзьями иногда печатали свои книги в обход утвержденных книгоиздательских правил. Госиздат довел до сведения ВЧК, что книги С. Есенина «Исповедь хулигана» и А. Мариенгофа «Развратничая с вдохновением» напечатаны без соответствующего разрешения. Это означало, что свободно продавать их было невозможно, поэтому приходилось продавать с оглядкой или бесплатно дарить друзьям и почитателям.

С. Есенин продолжал часто встречаться с Надеждой Вольпин, приглашая ее на свою квартиру по Брюсовскому переулку, 3. Он усиленно работает над поэмой «Пугачев», собирается съездить в Туркестан. Своим друзьям говорил, что хотел бы встретиться в Ташкенте с поэтом Александром Ширяевцем, с которым многие годы переписывался, но никогда лично не встречался.

Бениславской оставалось исполнять только роль восторженной и влюбленной без взаимности слушательницы. Неожиданно редкие встречи с поэтом были прерваны в середине апреля 1921 года из-за поездки С. Есенина в далекий Туркестан почти на полтора месяца. «Как-то раз Яна достала какие-то газеты, – вспоминала Галина. – Передали их Есенину. (Мы по-прежнему всегда ходили вместе – таким образом легче было скрыть правду наших отношений с Сергеем Александровичем). Заходим за этими газетами. Оказывается, Мариенгоф передал их Шершеневичу. Мы рассердились, т. к. газеты были нужны. Есенин погнал Мариенгофа к Вадиму Габриэлевичу. Потом оделся и вместе со мной и Яной пошел туда же. Это был первый ласковый день после зимы. Вдруг всюду побежали ручьи. Безудержное солнце. Лужи. Скользко. Яна всюду оступается, скользит и чего-то невероятно конфузится: я и Сергей Александрович всю дорогу хохочем. Весна – весело. Рассказывает, что он сегодня уезжает в Туркестан. «А Мариенгоф не верит, что я уеду». Дошли до Камергерской книжной лавки.

Пока Шершеневич куда-то ходил за газетами, мы стоим на улице у магазина. Я и Яна – на ступеньках, около меня Сергей Александрович, возле Яны – Анатолий Борисович. Разговаривали о советской власти, о Туркестане. Неожиданно радостно и как будто с мистиче-

ским изумлением Сергей Александрович, глядя в мои глаза, обращается к Анатолию Борисовичу: «Толя, посмотри – зеленые. Зеленые глаза».

Но в Туркестан все-таки уехал, подумала я через день, узнав, что его уже нет в Москве. Правда где-то в глубине знала, что теперь уже запомнилась ему».

Возвратился Есенин в Москву из длительной поездки в Туркестан 10 июня 1921 года.

Аня Назарова

Самые близкие отношения установились у Галины Бениславской с Анной Гавриловной Назаровой. Они были ровесницами. Аня родилась в селе Кузнецове Тверской губернии в многодетной купеческой семье. Отец имел кожевенный завод, национализированный после революции. Аня после окончания в 1918 г. гимназии пыталась вступить в Красную Армию, стала работать как общественница по приемке раненых, затем ее зачислили в состав 10-го госпиталя Москвы. В 1920 г. Анну откомандировали в Московский университет на медицинский факультет. Одновременно работала внештатным корреспондентом в редакции газеты «Беднота». В штатные сотрудники газеты ее зачислили в 1922 г.

В это же время на работу в редакцию «Бедноты» была принята Галина Бениславская. Девушки подружилась. Обе до октября 1923 г. жили в одной комнате коммунальной квартиры. Когда Аня переехала в новую квартиру на Таганке, теплые отношения между подругами продолжались. При расставаниях они писали друг другу письма, в которых делились своими сокровенными мыслями. Г. Бениславская писала подруге о своих чувствах к С. Есенину. 21 июня 1922 г., после отъезда С. Есенина за границу, она после цитирования есенинских слов: «Человек в этом мире – не бревенчатый дом, // Не всегда перестроишь заново» писала: «Вот, Анечка, какая я глупая – все время смотрю в этот выгоревший дом и думаю о том, что его не перестроишь заново».

А. Назарова с 1917-го по 1927 г. вела альбом, в который друзья и знакомые записывали свои пожелания и посвящения. В альбоме есть рисунки и автографы художника П. Галаджева, записи В. Шершеневича и Г. Бениславской.

В 1922 году в альбом сделала две записи Галина Бениславская. Они записаны после ухода С. Есенина к Айседоре Дункан. Записи свидетельствуют о большой душевной драме девушки, о ее стремлении попытаться разобраться в случившемся, желании предостеречь подругу от подобных неожиданных поворотов в личной жизни. 17 февраля 1922 г. Галина на квартире Ани записала в альбом экспромт:

Спешите жить, спешите жить
И все от жизни брать —
Ведь все равно, ведь все равно
Придется умирать.

*Г. Б.
12-II-22.
Москва. Таганка.*

Вторую запись Г. Бениславская сделала 31 марта 1922 года. Под карандашным рисунком портретов Ани Назаровой и Вадима Шершеневича, выполненных художником П. Галаджевым, она написала:

Кто впервые любит, пусть
Без взаимности, – тот бог;
Тот же, кто вторично любит
Без ответа, – тот глупец.

31/III-22 г.

В 1921 году одна из подруг записала: «Дорогой Ане, которая хочет себя обмануть в том, что ее сердечко совершенно спокойно и равнодушно по отношению к В. Г. Ш(ершене-

вичу)». Многие знали, что между поэтом В. Шершеневичем и А. Назаровой установились взаимоотношения на взаимной симпатии, и даже влюбленности. Аня очень хорошо знала и любила стихотворения Шершеневича, собрала около ста вырезок его публикаций и о нем, в том числе и ранние. 25 мая 1921 г. В. Шершеневич записал в альбоме слова благодарности Ане за нежное и сердечное к нему отношение. На подаренной своей книге «Carmina. Лирика (1921–1912” (Книга 1. Москва. 1913)» он написал: «Милому другу Ане Назаровой в знак настоящей дружбы, которая, вероятно, выше всего – даже любви. Верю в скорую встречу и всегда радый ей. Вад. Шершеневич. 1921. 2/Ц1».

Летом 1921 г. Вадим подарил Ане фотографию, где он снят с С. Есениным и А. Мариенгофом, с дарственной надписью: «Милой Ане – не стоит столько искать копии, когда оригинал стоит ближе – разве не правда? Дружески. Вадим». Встреча и дальнейший роман В. Шершеневича с актрисой Юлией Дижур привели к охлаждению чувств Вадима к Ане. Назарова тяжело переживала разрыв с любимым, осенью 1923 г. даже думала о самоубийстве, о чем свидетельствуют записи в ее дневнике: «Как глупо! Три года, долгих, томительных – я «люблю» Шершеневича. Зачем? Не знаю... Этого никто никогда не знает, и в этом – трагедия людей!». Эта неразделенная любовь еще больше сблизила Аню с Галиной Бениславской, переживавшей также сильное влечение к С. Есенину.

А. Назарова чутко относилась к Есенину, была свидетельницей радостей и неудач в его личной жизни. В «Дневнике» Г. Бениславская записала: «(Есенин) говорил, если я или Аня его бросим, то тогда некому помочь и тогда будет конец». Переселившись в коммунальную квартиру к Галине Бениславской, С. Есенин подарил Анне фотографию, на которой он снят с поэтом В. В. Казиным, с автографом: «Милой Ане с любовью С. Есенин. 21/IX 23». На книге «Исповедь хулигана» (Имажинисты. М., 1921) поэт написал: «Милой Ане на добрую память. С. Есенин. 1923».

Среди имажинистов

С поэтами-имажинистами Г. Бениславская познакомилась зимой в конце 1920 года. В. Г. Шершеневич писал в «Великолепном очевидце»: «В эпоху имажинизма к нам однажды подошли две девушки. Одна была тоненькой брюнеткой с немного злым лицом, другая курносая, русопятая. Первую звали Галей Бениславской, вторую Аней Назаровой. Весь путь имажинизма они проделали рука об руку с нами. Они помогали нам в наших проделках, они волновались нашими волнениями».

Со свойственной ему иронией А. Мариенгоф отразил это знакомство в «Романе без вранья»:

«В начале 20-х годов как-то в «Стойло Пегаса» пришли три девушки, совсем юные.

У хорошенькой глазастой Гали Бениславской тогда были косы – галочьего цвета. Длинные, пушистые, с небольшими бантиками. Крепенькие ноги в черных хромовых башмаках с пуговицами.

Мы говорили: «Пришла Галя в мальчиковых башмачках». Или: «Пришла Галя в бабушкиных чулочках!».

Они были в крупную вязку, теплые, толстые и тоже черные.

Двух других девушек мы ласково называли «мордovorотиками».

Девушки не только встречались с поэтами-имажинистами, но и принимали участие в проводимых ими мероприятиях, которые чаще всего устраивались для привлечения к себе общественного внимания.

Имажинисты издали сборник «Золотой кипятok», в который вошли произведения С. Есенина, В. Шершеневича и А. Мариенгофа. В газете «Известия ВЦИК» 14 апреля 1921 г. появилась разгромная статья наркома просвещения А. В. Луначарского, который писал: «Как эти книги, так и все другие, выпущенные за последнее время так называемыми имажинистами, при несомненной талантливости авторов, представляют собой злостное надругательство и над собственным дарованием, и над человечеством, и над современной Россией».

Нарком призывал провести тщательное расследование, затем публично сложил с себя полномочия председателя Всероссийского союза поэтов. Имажинисты не стали паниковать. На удар они решили ответить ударом.

Сергей Есенин после длительной поездки в Туркестан был полон сил и энергии. На первом после его приезда заседании учредителей Ордена имажинистов была обсуждена статья А. В. Луначарского. А. Мариенгоф прочитал подготовленный ответ наркому просвещения от командоров ордена, предлагая напечатать его в журналах... О заседании вспоминал секретарь Имажинистского ордена Матвей Ройзман:

«Выступая, Есенин сказал, что его еще никто не называл шарлатаном, как это сделал Луначарский. Если бы статью написал обычный критик, можно бы на нее начхать. Но написал народный комиссар по просвещению, человек, в руках которого вожжи от искусства. Это уж не статья, а законодательный акт!

– Административное распоряжение, – отозвался с места Шершеневич.

– Ну административное распоряжение, – согласился Сергей. – Хрен редьки не слаще! Наш ответ Луначарскому не печатают. Как же! Нарком писал, и три к носу!

– Погоди, – сказал Грузинов, – ты же говорил, что будет листовка с письмом Луначарскому. Ее пошлют во все газеты, журналы, литературные организации.

– А там положат ее под сукно, – прервал его Мариенгоф, – и все останется по-прежнему...

– Тот, кому не нужно, прочитал бы! – воскликнул Шершеневич. – А тот, кому нужно, сделал бы вид, что это его не касается!

– Понапрасну, Ваня, ходишь! – вдруг запел Кусиков, обращаясь к Грузинову. – Понапрасну ножки бьешь!»

Неожиданно А. Мариенгоф предложил провести акцию напоминания общественности об имажинистах. Для этого всем членам Ордена имажинистов необходимо выйти ночью на улицы столицы и расклеить листовку, текст которой он подготовил. В замысле было больше юношеского озорства, чем преднамеренной серьезной политики. А. Мариенгоф сказал, что придут артисты и оркестр Камерного театра, а С. Есенин пообещал участие в параде труппы В. Э. Мейерхольда и его театра. Так что акция предусматривалась быть представительной и шумной. А если власти станут усматривать в этом какой-то политический умысел, то при разъяснениях можно все свести к обычному розыгрышу. С этим согласились. Решили не откладывать в долгий ящик.

Галя Бениславская и Аня Назарова не остались в стороне. Они готовы были оказать помощь при расклеивании листовок-афиш о «Всеобщей мобилизации» на улицах Москвы в ночь с 11 на 12 июня 1921 года. Девушки прочли напечатанный типографским шрифтом текст, по форме не отличающийся от других официальных плакатов, объявлений, приказов:

Имажинисты всех стран, объединяйтесь!

ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Поэтов, Живописцев, Актеров, Композиторов, Режиссеров и Друзей
Действующего Искусства.

№ 1

На воскресенье 12 июня с. г. назначается демонстрация писателей и
зачинателей нового искусства.

Место сбора: Театральная площадь (сквер), время: 9 час. вечера.

Маршрут: Тверская, Памятник А. С. Пушкину.

ПРОГРАММА

Парад сил, речи, оркестр, стихи и летучая выставка картин

Явка обязательна для всех друзей и сторонников действующего
искусства:

- 1) имажинистов,
- 2) футуристов,
- 3) и других групп.

Причина мобилизации: война, объявленная действующему искусству.

КТО НЕ С НАМИ, ТОТ ПРОТИВ НАС!

Вождь действующего искусства: Центральный Комитет Ордена
Имажинистов.

Поэты: *Сергей Есенин, Александр Кусиков, Анатолий Мариенгоф,
Вадим Шершеневич, Николай Эрдман.*

Художники: *Георгий Якулов, Борис Эрдман.*

Секретариат: Поэты-имажинисты: *Иван Грузинов, Матвей Ройзман.*

Все участники акции собрались вечером 10 июня 1921 года в темном переулке Москвы. Понимали, что действуют не по закону, поэтому старались соблюдать все меры предосторожности. Получив свою пачку листовок-афиш о «Всеобщей мобилизации», разошлись по разным улицам. «Осторожно крадучись по улицам, – писал В. Шершеневич, – под покровом темноты, ибо фонари в те годы горели только в воображении (керосина тоже не было), мы расклеивали афиши о мобилизации...».

Галя и Аня расклеивали листовки вдвоем. Работа у них спорилась. «Именно Галя и Аня Назарова первыми расклеили свою сотню листовок, – вспоминал М. Ройзман, – и со смехом рассказывали, как ловко они это сделали: на улицах не горит ни одного фонаря, светит луна, а на небе облака – очень плохо видно. На намеченном месте фасада дома, забора, деревянных ворот Аня смоченной в клейстере кистью мазала и шла вперед. Галя подходила, прислоняла листовку к подготовленному месту, проводила по ней ребром ладони и тоже шагала вперед. Веселые девушки жалели, что никаких приключений не было, но считали, что им мало дали листовок, и предлагали расклеить еще сотню...».

Утром имажинисты были свидетелями, как возле листовок собирались группами горожане, горячо между собой спорили, выясняли детали, если кого-то непосредственно касалась объявленная мобилизация. Не все сразу разобрались в сути содержания листовки имажинистов. На всех влияло грозное слово «мобилизация». С этим действием многие были хорошо знакомы. Время было тревожное, на юге Красная Армия сражалась с Добровольческой армией, а в других местах России еще присутствовали иностранные интервенты.

В. Шершеневич вспоминал: «Обыватель, остривший в те дни, что ввиду похода Деникина не стоит покупать шляп, так как «Деникин придет, всем даст по шапке», видел в этой мобилизации чуть ли не конец советской власти. Рабочие и партийцы решили, что настал очередной «последний и решительный бой», когда надо винтовкой спасти Союз».

Имажинисты весело ходили от одной группы к другой, радуясь, что их «удачная» идея осуществилась. Такое своеволие власти не могли оставить без внимания. Через несколько часов по специальной повестке были к следователю Московского ЧК вызваны С. Есенин, А. Кусиков, А. Мариенгоф, В. Шершеневич. Все они начали осознавать серьезность случившегося, когда знакомый следователь, нередко посещавший «Стойло Пегаса», где они общались дружелюбно, вдруг стал говорить с ними, употребляя не слово «товарищ», а строго официальное «гражданин» с нужной фамилией.

«Осознав серьезность содеянного, – вспоминал В. Шершеневич, – мы оставили гаерство и шуточки и рассказали все откровенно. Нам задали головоломку, разъяснили всю политическую бестактность нашей листовки и отпустили, предложив самим ликвидировать зате-

янную демонстрацию. Через час мы были на свободе и успокоили своим видом волнение друзей и родных. В квартире Кусикова уже готовили траурные одежды».

Пришлось выполнять поручение чекистов. В. Шершеневич и А. Мариенгоф на большом листе бумаги написали крупными буквами: «По просьбе МЧК демонстрация временно отменяется» Но через час их снова вызвал следователь и устроил новую головоломку за вывешенное объявление. Предупредил, что шутки кончились. 12 июня в 9 часов вечера имажинисты пришли на Театральную площадь. Здесь собралась заметная толпа. Некоторые требовали, чтобы поэты читали свои стихи. Раздавались крики: «Есенин! Есенин!» Никто выступать не хотел. Разошлись молча.

О том, что в акции принимали участие Галина Бениславская и Аня Назарова, никто из привлекаемых следствием поэтов-имажинистов не промолвил ни слова.

Счастливое лето

Галина Бениславская после приезда Есенина часто оказывалась рядом с ним. «С этих пор, – вспоминала она, – пошли длинной вереницей бесконечно радостные встречи, то в лавке, то на вечерах, то в «Стойле». Я жила этими встречами – от одной до другой. Стихи его захватили меня не меньше, чем он сам. Потому каждый вечер был двойной радостью: и стихи, и он».

В Музее-заповеднике в Константинове хранится книга «Россия и Инония», изданная в 1920 г. в берлинском издательстве «Скифы». На форзацном развороте книги есть владельческая запись Г. Бениславской, а на титульном листе химическим карандашом рукой Есенина написано: «Г. Бениславская. 21. IX. 22». Л. А. Архипова писала: «Судя по этой записи, эту книгу Сергей Есенин мог отправить Галине Бениславской из-за границы. Однако это мы можем только предполагать, не имея твердых доказательств. В его письмах из-за границы встречаются десятки имен, но имени Бениславской он ни в одном из них не упоминает. Возможно, он передал ей эту книгу через кого-то из своих друзей или знакомых, возвращающихся в Россию. В то же время известно, что Галина Бениславская и Сергей Есенин в 1921 году встречались неоднократно, и если прочесть цифры, так сказать, наоборот, то мы получим, по-видимому, наиболее вероятную дату «22 сентября 1921 года».

О чувствах Есенина и Бениславской узнают многие. Они уже не скрывают их. Е. Я. Стырская, автор нашумевшей книжечки эротических стихов «Мутное вино», вспоминала: «Однажды во время чтения в дверь до отказа заполненного кафе въехал велосипед, на котором ехала девушка. Велосипед врезался в щель между каким-то столом, раздвинул чьи-то спины, на девушку со всех сторон зашикали. Сверкнув своими большими армянскими или еврейскими глазами, она, не обращая внимания на ворчание, прокладывала себе дорогу велосипедом, чтобы ближе подойти к сцене. А глаза у нее были замечательные! Большие, карие с золотыми искрами, широкие, почти сросшиеся, вычурно изогнутые брови над прямым, узким носом, придававшим ее узкому лицу особую значительность. Роскошные, загнутые наверх ресницы. Иронический рот и высокий лоб свидетельствовали об уме и силе воли. На ней была белая матроска со значком Ленина на воротнике, простая юбка и простые туфли. На голове – пестрая шапочка, оттеняющая ее явно восточную, обрамленную великолепными волосами голову. Окидывая презрительным взглядом пеструю, плотно сбитую толпу сомнительных зрителей, она твердо держала руль велосипеда и ждала. Когда Есенин кончил читать, она быстро увела его.

– Кто это?

– Галя Бениславская. Партийка. Для Сережи она много значит.

– Это хорошо! Она красивая и энергичная!»

Осенью имажинисты решили провести в кафе костюмированный бал. У многих были простенькие наряды, почти не было масок. Сергей Есенин надел матросскую бескозырку, Надежда Вольпин была в поддевке из хорошего дамского сукна, Галине Бениславская надела что-то вроде кокошника.

Н. Вольпин обратила внимание на приподнятое настроение Бениславской. Она выглядела необыкновенно похорошевшей, светилась счастьем. «Даже глаза, – подумала с грустью Н. Вольпин, – как и у меня, зеленые, но в более густых ресницах – точно посветлели, стали совсем изумрудными (признавали голубизны из глаз Есенина, мелькнуло в моих горьких мыслях) и были неотрывно прикованы к лицу поэта. «Сейчас здесь празднуется, – сказала я себе, – желанная победа. Ею, не им!»

Журналист Михаил Осоргин, также наблюдавший внимательно за Есениным и Бениславской, не удержался и поделился впечатлением с Надей Вольпин, не представляя, какую соль он посыпает на ее уязвленное самолюбие:

– Я не налюбуюсь этой парой. Да и как не любоваться! Сколько преданной, чистой любви в глазах юной женщины!

Надя не находила слов для опровержения. Она понимала, что в борьбе за Есенина она проигрывала, но хотела, чтобы ее поражение не было замечено другими.

В свою очередь, некоторые друзья Есенина также не хотели, чтобы поэт полностью оказался под влиянием Бениславской. Они боялись потерять его, открыто мрачнели, когда поэт их покидал, поэтому порой бесцеремонно вмешивались в отношения влюбленных.

24 июля 1921 г. Бениславская писала Назаровой: «Но зато Аня, Аня, если бы ты знала, сколько у нас «врагов» там за последнее время – все «Стойло», начиная с музыкантов и кончая... Ну это мы на ухо тебе скажем только (ты не вздумай об этом говорить с кем-нибудь до нас), все ополчилось против нас, бросив на этот фронт и тяжелую артиллерию злостных и угрожающих взглядов, и ураганный пулеметный огонь иронии, и отдельные ружейные выстрелы в виде восклицаний. Но «мой лоб как белая скала», и пока мы храбро выдерживаем натиск врагов, по временам сами делаем вылазки, одним словом, фронт наш не гнется. Частенько бывает, что враги занимают нашу цитадель – на эстраде, но мы и тут не унываем».

С. Есенин старался явно не афишировать своих симпатий к Бениславской, ему по душе была с ней только дружба. Как-то осенью зашел разговор о Бениславской при очередной встрече с Надеждой Вольпин. Есенин удивленно воскликнул:

– Да что вы – к Гале ревнуете? Между нами ведь нет ничего, только дружба! Было, все было, но теперь только дружба!

– Вот потому и ревную.

Надежда не стала доказывать, но в памяти отчетливо промелькнули знакомые кадры счастливой встречи поэта и темноволосой соперницы. «Было!» Она точно знала когда. Фестиваль. Осоргин. Изумрудные, сияющие счастьем глаза.

– Понимаете, – продолжал Есенин. – Мне нравится разлагать ее веру. Марксистскую. Она ведь ух какая большевичка!.. Упорная! Заядлая! Она там работает, в Чека.

Поэма «Пугачев»

Возвратившись из Туркестана, С. Есенин продолжал работать над поэмой «Пугачев», которую в июне прочитал в «Стойле Пегаса». Пришлось не только зачитать текст поэмы, но и изложить присутствующим режиссерам, артистам и публике свою точку зрения на театральное искусство.

«Сначала, как почти всегда в таких случаях, – вспоминал И. Грузинов, – речь его была путаной и бессвязной, затем он овладел собой и более или менее отчетливо сформулировал свои теоретические положения (...) Он расходится со своими друзьями-имажинистами во взглядах на театральное искусство: в то время как имажинисты главную роль в театре отводят действию, в ущерб слову, он полагает, что слову должна быть отведена в театре главная роль.

Он не желает унижать словесное искусство в угоду искусству театральному. Ему, как поэту, работающему преимущественно над словом, неприятна подчиненная роль слова в театре. Вот почему его новая пьеса, в том виде, как она есть, является произведением лирическим.

И если режиссеры считают «Пугачева» не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: пусть театр, если он желает поставить «Пугачева», перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть».

Обсуждение поэмы «Пугачев» проходило и на других публичных собраниях. 1 июля 1921 г. в «Известиях ВЦИК» публикуется объявление:

«Дом печати. Сегодня очередной литературный вечер. Выступает Сергей Есенин с чтением «Пугачева». По окончании – обмен мнениями. Начало в 9 час. вечера».

К Дому печати Галина и Аня Назарова пришли пораньше. Постепенно зал заполнялся зрителями. В отличие от кафе «Стойло Пегаса», где приходили слушать поэтов не только любители поэзии, но и случайные, лишь бы убить время, здесь собрались истинные любители поэтического слова.

«Чтение происходило не поздно, – вспоминал поэт С. Д. Спасский, – позади меня из не затянутых шторами окон вливался еще не погасший свет долгого летнего вечера. Вдали на пустой широкой сцене виднелась легкая фигура Есенина. Он одет был с тем щегольством, какое было присуще ему в имажинистский период. Широкая, свободно сшитая широкая блуза, что-то среднее между пиджаком и смокингом. Белая рубашка с галстуком-бабочкой, лакированные туфли. Полы его блузы развевались, когда он перебежал с места на место. Иногда Есенин замирал и останавливался и обрушивался всем телом вперед. Все время вспыхивали в воздухе его руки, влетая, делая круговые движения. Голос то громыхал и накатывался, то замирал, становясь мягким и проникновенным. И нельзя было оторваться от чтеца, с такой выразительностью он не только произносил, но разыгрывал в лицах весь текст.

Вот пробивается вперед охрипший Хлопуша, расталкивая невидимую толпу. Вот бурлит Пугачев, приказывает, требует, убеждает, шлет проклятья царице. Не нужно ни декораций, ни грима, все определяется силой ритмизованных фраз и яркостью непрерывно льющихся жестов, не менее необходимых, чем слова. Одним человеком на пустой сцене разыгрывалась трагедия, подлинно русская, лишенная малейшей стилизации.

И вот произнеслись последние слова Пугачева, задышающиеся, с трудом выскользающие из стиснутого отчаяньем горла: «А казалось... казалось еще вчера... Дорогие мои... Дор-рогие, хор-рошие...» – зал замер, захваченный силой этого поэтического и актерского мастерства, а потом все рухнуло от аплодисментов. «Да это же здорово!» – выкрикнул Пастернак, стоявший поблизости и бешено хлопавший. И все двинулись на сцену к Есенину.

А он стоял, слабо улыбаясь, пожимал протянутые к нему руки, сам взволнованный поднятой им бурей».

Состоялось обсуждение. Председательствовал В. Т. Кириллов. Мог высказать свое мнение любой. В основном хвалили Есенина, восторгались его манерой исполнения. Указывали на художественные достоинства, выделяя запоминающиеся сравнения, перечисляли удачные образы. Некоторые указывали на революционность и созвучность содержания пьесы современности.

В. Т. Кириллов был более осторожен в оценке. Высказал мнение, что Пугачев говорит на имажинистском наречии и что Пугачев – это сам Есенин.

С. Есенин не скрывал своего недовольства такой оценкой друга и сказал:

– *Ты ничего не понимаешь, это действительно революционная вещь.*

Галина не скрывала своего волнения после выступления Есенина. Она понимала, что им создано великолепное произведение, но у нее пока не было слов для общей оценки.

На следующий день проводила Аню Назарову на отдых к родителям в Дмитровскую Гору. О «Пугачеве» по-настоящему разговора не получилось, но Бениславская была убеждена, что она должна подруге высказать свое мнение. 4 июля 1921 г. письмо Ане, начала с цитирования отрывка из стихотворения Есенина «Хулиган» (1919) и тут же с места в карьер начала рассуждать о «Пугачеве»:

«Кто видел, как в ночи кипит
Кипяченных черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
С кистенем где-нибудь стоять.

Вот, Аня, в этом «Пугачев». Все, что есть в Есенине стихийного, буйного, кипение этой рати черемух – все в «Пугачеве», и он сам не ухарски удалой, а стихия бунта, ненависти к тем, кто «отгулял, отхвастал...».

Когда он читает «Пугачева», то Есенин и Пугачев – одно, нет в отдельности ни того, ни другого. И после этого говорят, что искусство может быть только в форме, в одной форме без содержания!

Ну, Аня, ты ведь не сердишься, что я тогда, после «Пугачева» была такой рассеянной. Я только потом умудрилась осознать, что я тебя видела перед отъездом последний раз, и мне было так досадно».

В июле С. Есенин пишет 7-ю главу поэмы.

Галине Есенин иногда кратко пересказывал содержание дописанных глав. 24 июля 1921 г. она сообщала Ане Назаровой: «Знаешь, у нас ведь тоже дождь, дождь и дождь... «и все без всякого толку». А как ужасно ночью, все время шумит, слюнявый такой. По временам мистический ужас – не заклятие ли в «Пугачеве» этого дождя. (По поводу него Есенин сказал: «Экий дождь, экий скверный дождь!»). А как он доволен 7-й главой. Но замучил, понимаешь, ведь так трудно ждать конца. И притом как будто нарочно дразнит, рассказывая о том, как пишет и т. п. А недавно я опять видела черновик и не сдержалась – открыла и стала читать (первые строки – дальше было неудобно – Анатолий Борисович мешал)».

А. Мариенгоф также высказал свою оценку: «Я люблю «Пугачева». Есенин умудрился написать с чудесной наивностью лирического искусства суровые характеры. Поэма Есенина вроде тех старинных православных икон, на которых образотписцы изображали бога отдыхающим после сотворения мира на полатах под лоскутным одеялом. А на полу рисовали снятые валенки. Сам же бог – рыжебородый новгородский мужик с желтыми мозолистыми пятками».

Только в августе 1921 г. С. Есенин закончил поэму. 4 августа в «Стойле Пегаса» С. Есенин рассказывал приехавшему в Москву В. А. Мануйлову, что недавно закончил драматическую поэму «Пугачев», на днях будет впервые читать ее на публике в литературном особняке на Арбате. Поэту Т. Мачтету сообщил 30 августа: «Только вчера кончил». В середине ноября подготовил рукопись поэмы к изданию. В декабре работает над корректурой поэмы «Пугачев» в доме И. Старцева. Во время работы произошел курьезный случай. «Однажды он проработал около трех часов кряду над правкой корректуры к «Пугачеву», – вспоминал И. Старцев, – и, уходя в «Стойло», забыл корректуру на полу перед печкой, сидя около которой он работал. Возвратившись домой, он стал искать корректуру. Был поднят на ноги весь дом. Корректуры не было. Сыпались отборные ругательства по адресу приятелей, бесцеременно, по обыкновению, приходивших к Есенину и рывшихся в его папке. И что же – в конце концов выяснилось, что прислуге нечем было разжигать печку, она подняла валявшуюся на полу бумагу (корректуру «Пугачева») и сожгла ее. Корректурка была выправлена на следующий день вновь».

С. Есенин написанную шестую главу не включил в основной текст «Пугачева». И. И. Старцев вспоминал: «Есенин, между прочим, не один раз говорил мне, что им выкинута из «Пугачева» глава о Суворове. На мои просьбы прочесть эту главу он по-разному отнекивался, ссылаясь каждый раз на то, что он запомнил ее, или просто на то, что она его не удовлетворяет и он не хочет портить общее впечатление. Рукопись этой главы, по его словам, должна находиться у Г. А. Бениславской, которой он ее якобы подарил».

Рукопись 6-й главы действительно хранилась у Галины, хотя заполучить ее очень хотел А. Сахаров, а в 1922 г. А. Мариенгоф просил ее у Бениславской для публикации, но она публиковать главу не разрешила.

Изданную поэму «Пугачев» С. Есенин дарит с автографами Галине и Яне в январе 1922-го. На экземпляре Бениславской поэт написал: «Милой Гале, виновнице некоторых глав».

Айседора Дункан

Свой день рождения в 1921 году Сергей Есенин отмечал в коммунальной квартире на Богословском, где проживал с Анатолием Мариенгофом. Кроме них в коммунальной квартире жили рабочие, приветливо относившиеся к молодому поэту. И в этот день они его тепло поздравляли. В длинной, большой кухне Есенин играл с жильцами в карты, шумно и весело обсуждая свои проигрыши и выигрыши. Каждый старался выпить с ним за его появление на свет, желая имениннику счастья, радости и здоровья. К вечеру поэт сильно притомился от веселья и похмелья. Стоило ему прилечь, как сон захватил его полностью.

Встречать гостей и накрывать стол пришлось артистке Камерного театра Анне Никритиной, будущей жене Анатолия Мариенгофа, которую Есенин звал Мартышкой, Мартишоном. К вечеру пришли поздравить именинника режиссер Всеволод Мейерхольд, художник-имажинист Георгий Якулов, знакомые артисты. Решили не будить спящего Есенина, За скромно накрытым столом много говорили о приезде в Москву знаменитой танцовщицы Айседоры Дункан, приехавшей летом в Россию по приглашению наркома по просвещению А. В. Луначарского для создания балетной школы для детей из пролетарских семей.

Айседоре Дункан выделили на Пречистенке особняк бывшей балерины Большого театра Александры Балашовой. В. Мейерхольд был хорошо осведомлен о трудностях открытия школы Дункан в голодной и холодной Москве, так как работал заведующим театральным отделом в Наркомпросе. В школу отбирали одаренных детей. Желających попасть в балетную школу было много. Привлекало не только желание познать искусство танца, но также быть накормленным и одетым, а это в бедных семьях считалось большим счастьем.

На следующий день о гостях и разговорах Есенин узнал от Мариенгофа и Никритиной. О знаменитой Дункан он слышал в разговорах друзей в «Стойле Пегаса», но они еще не привлекали его внимания. Нужно было разобраться в превратностях своей личной любви.

Он был сильно увлечен Галиной Бениславской. Обрадовался, что у этой прекрасной девушки он оказался первым, а ведь ей уже 21 год и жизнь прожила она не столь простую. Сожалел, что она не пришла к нему на день рождения. Но это же поправимо.

5 октября Есенин отправил записку по почте на Шереметьевскую улицу, 3, зная, что Галина жила в квартире Козловских: «Я очень и очень бы хотел, чтобы Вы пришли сегодня ко мне на Богословский к 11 часам. Буду ждать Вас! За д... Спасибо. Без...». В этом сокращении «д» можно усматривать слово «девственность», а неоконченная запись после слова «без» означала «без подруги», которые обычно сопровождали Галину. Примечательно, что именно в этот день заочно Народный суд в Орле принял решение о расторжении брака С. Есенина с З. Райх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.